

К.И. Ходова

КАРТИНЫ ИЗ ДЕТСКИХ ЛЕТ

Дедушки,
бабушки,
дядюшки и
тетушки

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения
Российской академии наук

К.И. Ходова

КАРТИНЫ ИЗ ДЕТСКИХ ЛЕТ

Дедушки, бабушки,
дядюшки и тетушки...

Москва 2013

Ходова К.И. Картины из детских лет.

Дедушки, бабушки, дядюшки и тетушки...
М., 2013. 152 с. Илл.

«Картины из детских лет» К.И. Ходовой (1918–2005), чуждые вымысла и идеализации, писались с любовью и грустью – как прощание с дорогими людьми и дорогими воспоминаниями. Память автора сохранила не просто эпизоды и частности, но главное – их глубинный бедственный смысл и самый дух жестокого времени.

ISBN 5-7576-0269-4

978-5-7576-0269-1

© Ходова К.И. Текст, 2013

© Институт славяноведения РАН, 2013

О ненаписанном предисловии к этой книге

Предисловие к «Картинам из детских лет» Капитолины Ивановны Ходовой (8.11.1918–14.01.2005) предполагал написать Владимир Николаевич Топоров, но не успел. Незадолго до своей кончины († 5.12.2005) он говорил, что уже дважды прочел рукопись и что она находится у него «на расстоянии протянутой руки», – оставалось только сесть и написать. Он был первым, не считая меня, читателем рукописи и, можно сказать, вдохновителем её. Мне же история этих воспоминаний в точности известна потому, что я навещала Капитолину Ивановну, как раз в последние годы, и была посредником в ее контактах с Владимиром Николаевичем.

Капитолина Ивановна неизменно сохраняла молодость духа, интерес ко всему происходящему, к науке, новым изданиям, к жизни Института. Ее рассказы о пережитом (она была ровесницей моей мамы), о виденном и слышанном поражали искренностью, глубиной памяти, обилием и меткостью деталей, артистизмом, и под их впечатлением я каждый раз просила ее написать воспоминания. Она то соглашалась, то противилась. Дело решила поддержка В.Н. Топорова: его слова о том. Что долг каждого человека, пережившего скорби первой половины XX века, – записать все, что

он помнит о своем времени, история которого подвергалась искажению и замалчиванию. Помог и его личный пример: статья «Из московских текстов. Воспоминания о Москве 30-х годов» в журнале «Живая старина» (1997, № 2 – памяти Н.И. Толстого).

Владимир Николаевич ценил работы К.И.Ходовой, и особо – ее редкостные познания в области диалектной лексики, старинной народной культуры – духовной и материальной, не раз ссылаясь на ее устные сообщения. Оба они были «помнящими родство», их объединяла и генетическая духовная связь с древней Владимирской землей. Помню, когда Капитолина Ивановна сомневалась, стоит ли вспоминать в тексте дальнюю родню, Владимир Николаевич ответил, что вспомнить и помянуть следует всех – «чтобы не ушли в землю как перегной», важно сохранить память об исконных устоях нашей жизни, о традиционном укладе русской семьи.

«Картины из детских лет» отличает безыскусственность, простота, мера. За их строчками мелькает облик Капитолины Ивановны – для тех, кто помнит ее.

Книжное собрание Капитолины Ивановны, ее богатую славистическую часть, племянник Леонид Георгиевич Ходов передал в дар библиотеке Московской Духовной академии при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

Т. Судник

В детстве мы окружены не только своей семьей, но также встречаемся с приезжающими родственниками, слышим рассказы об их сегодняшней и прошлой жизни. Кроме влияния духовной атмосферы родного дома, особенность детства каждого из нас создается окружающими предметами: постройкой, одеждой, мелочами быта, пейзажами родной стороны.

Все это формирует душевный склад человека, составляет неотъемлемые черты его личности и, как теперь говорят, остается в генах.

Поэтому в повествовании, где речь пойдет, главным образом, обо мне самой, уместно рассказать сначала о моих родителях, их братьях и сестрах, моих дедах и бабушках – с той степенью достоверности и с теми подробностями об их жизни, с которыми все это уцелело и сохранилось в воспоминаниях моего старшего брата и сестер, а отчасти также и в моих.

*К. Ходова
май 2004 года*

Мои родители – Иван Васильевич и Варвара Васильевна – были деревенские люди. Их дети, мои братья Александр и Борис и мои сестры Анна, Мария, Ольга, тоже родились «на селе». Оба моих деда были по имени Василии, поэтому их дети, то есть мои родители, мои дядюшки и тетюшки были Васильевичи и Васильевны.

Жили все в местах, известных из истории Владимиро-Суздальской Руси, приблизительно между Юрьевом Польским и Суздалем, иногда с небольшими отклонениями от этой территории.

Папин отец, а мой дед Василий Гаврилович Ходов, был сыном Гаврилы Никифоровича, моего прадеда, который жил в деревне Малое Барово, что в нескольких километрах от Юрьева Польского. Малого Барова теперь больше нет. Чтобы уточнить место Малого

Барова среди других населенных пунктов, укажу, что рядом с Малым Баровом было Большое Барово; не знаю, существует ли оно до сих пор. К этим двум населенным пунктам было близко еще и село Богородское. Я еще помню его церковь: мама туда отводила меня к причастию, когда мне было 4 или 5 лет. За оградой церкви тогда было несколько могил с крестами. После Великой Отечественной войны от церкви в Богородском оставались только стены, как нам рассказывали очевидцы. Внутри бывшей церкви обосновалась мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин; для того, чтобы машина могла пройти в здание, был сломан алтарь, и оставшийся от него проем стал входом в мастерскую.

Когда заходила речь о более отдаленных временах семейной истории, то упоминалось имя Никифора Ивановича Ходова, моего прапрадеда. Говорили, что его дом также был в Малом Барове; однако, кроме этого, никаких сведений о нем нет.

У Гаврилы Никифоровича были дети: Петр, Василий (мой дед), Матрена, Анна, Александра, Мария. Некоторыми сведениями располагаю о сыне Гаврилы Никифоровича, Петре Гавриловиче, брате деда. Он был управляющим именьями: сначала в Фетиньине, потом в Симезине, потом «держал» в Юрьеве Польском постоянный двор с номерами

(впоследствии перестроенный в гостиницу). Возможно, что как раз в этой гостинице я ночевала, когда уже из Москвы, в восьмидесятые годы, ездила на экскурсию в Юрьев. (Я и не знала тогда, что ночью в доме, построенном братом деда). Мой отец называл Петра Гавриловича дядей Петей, дружил с его дочерьми Лидией, Пелагеей, Варварой.

Мой дед Василий Гаврилович тоже жил в Малом Барове. Он был женат первым браком на Анне Ивановне Фроловой из деревни Слуды; от этого брака было трое детей: Анастасия, Егор и Иван (мой отец). После рождения третьего ребенка Анна Ивановна скончалась, и через некоторое время дед женился на Анне Семеновне Хайдиной из Сельца (это село близ Андреевского). От второго брака у деда были дети: Евдокия, Екатерина, Парасковья, Мария, Елена, Симеон и Ефим. Дочери деда вышли замуж за крестьян из окрестных сел и деревень – Ельцы, Пиногор, Небылое. Елена Васильевна вышла замуж в Выремшу, потом переехала с мужем в Иваново, где ее муж нашел работу на железной дороге. Тетя Евдокия Васильевна вышла замуж за крестьянина из своей деревни Малое Барово; их семья там оставалась дольше, чем все другие родственные семьи. Я еще помню и ее, и ее мужа, который, поддразнивая тетю Евдокию, называл ее «карманная» за некоторую миниатюрность и невысокий рост. Только

трех из этих пяти сестер мне довелось увидеть: Евдокию, Марию и Елену.

У папиных сестер от второго брака дедушки была одна общая черта, семейный талант – дар слова, великолепное владение родным языком. Одна из них, прожившая всю жизнь в деревне, так ясно и художественно выражала свои мысли, что у меня, когда я ее слушала, всегда возникало желание (или мечта): вот бы записать хотя бы один ее рассказ на каком-нибудь специальном аппарате, чтоб оставить себе лучший образец русского языка!

Другая, к тому же и любила поговорить, то есть поражала слушателей не только качеством, но и количеством сообщаемого. Когда она приходила к нам домой, мы оставляли все дела и слушали ее речи, выраженные темпераментно на чистом, богатом, образном языке. Она имела обыкновение посидев за столом, выпив чаю и сказав, кажется, все, что было у нее на душе, выходя из дома еще останавливаться у выхода в коридор и, вспомнив что-то еще невысказанное, горячо говорила там стоя, а мы слушали, развесив уши. Заливаясь соловьем, она слишком увлекалась своими речами, не разумея того, что нам пора заняться неотложными делами, а ей пора уходить. Вот тогда у нас дома возникла шутка: «Не бойся гостя сидячего, а бойся гостя стоячего».

Сын деда Ефим Васильевич погиб на войне 1914 г., а сыновья Иван, Егор и Симеон пошли по стопам деда: после попыток найти собственные жизненные пути они, в конце концов, как и их отец, стали заниматься мельничными делами. Будучи людьми трудолюбивыми, инициативными и талантливыми, они достигли высокой степени мастерства и стали в своей округе непрекаемыми авторитетами по мукомольным вопросам.

После женитьбы на папиной мачехе, когда у деда Василия Гавриловича сгорел второй, деревянный этаж его двухэтажного дома в Барове, он жил и работал сначала на мельнице в Богданском, потом в Белом Камне. В последние годы жизни служил в селе Семьинском управляющим мельницей (не выяснено, кто был ее хозяином). Он и погиб в Семьинском: был смыт потоком воды с плотины во время весеннего паводка и утонул. Его труп был найден в реке только через три дня после гибели.

Дядя Егор Васильевич, родной брат моего отца – одна из картин (точнее, это портрет) из моего детства. Он начал свою карьеру работником на мельнице. После женитьбы он в полное свое распоряжение получил мельницу в Богданском от своего отца, и жил там около тринадцати лет. Потом жил в Покрове на реке Колокше. Потом в Малом

Барове купил дом и завел паровую мельницу (за нефтью ездил в Гаврилов Посад).

В Малом Барове у него была земля, вместе с детьми занимался крестьянским хозяйством. Трудолюбие и неиссякаемая энергия обернулись для него лихом: пришлось совершить принудительное путешествие в Архангельскую область (к счастью, он вернулся оттуда живым). В Малом Барове теперь у него уже не было дома. Жена Наталья Васильевна дождалась его возвращения, но потом скончалась раньше, чем он. Дети – Екатерина, Елизавета, Иван, Василий, Александр, Аркадий – все умные, уважаемые люди. В ранние детские годы я не раз побывала в баровском доме дяди Егора, мы ездили туда всей семьей на праздники, на именины. Помню его прекрасные иконы, особенно одну, высотой почти от пола до потолка, занимающую целый угол просторной светлой комнаты. Изображение мне было непонятно, или я его забыла, но сильное впечатление произвела на меня резная деревянная позолоченная рама в виде гроздьев винограда. В шкафах стояли книги, блистающие своими корешками, и кто-то мне сказал: это Вальтер Скотт; значит, сама я еще не умела читать. Со всем этим великолепием дяде пришлось расстаться.

Хотя дядя Егор Васильевич был родным братом отца, но внешне они были непохожи. Дядя был невысок, коренаст, смугло-

лиц, темноволос, а мой папа белокож, русоволос (правда, я помню его уже седым) и ростом повыше.

Мы, дети, любили дядю Егора за его живой, веселый, легкий нрав, за шутки и даже необходимые насмешки, которые он придумывал – например, меня он называл капустой. Детям всегда лакомства привозил. Не прочь он был и рюмочку пропустить (в отличие от папы), но, как считалось, знал меру. Иногда, впрочем, мера, как видно, нарушалась. Известен рассказ о том, как однажды зимой, возвращаясь с праздника из ближнего села, он заснул в санях, а лошадь без вожжей и понуканья самостоятельно двинулась по знакомой дороге домой; утром домашние увидели лошадь, стоящую у ворот, а в санях спящего хозяина. Он даже не простудился, проспав всю ночь на морозе: видимо, его спасла обычная в те времена зимняя одежда для дороги: овчинная шуба и тулуп.

Дядя Егор Васильевич любил своих детей, гордился ими и имел привычку их расхваливать. Иногда и невпопад – для похвал придумывались самые необычные поводы. Например, мои сестры помнили фразу, сказанную им о старшей дочери: «Моя Катя быстро шьет!» Мои сестры-рукодельницы знали, что быстрое шитье – это, чаще всего, небрежное шитье, и только тихонько посмеивались над его похвалой.

Всего важнее в жизни было для дяди, как и для моего отца, их главное дело, объект и орудия их труда. Однажды я присутствовала при их разговоре. После долгой разлуки они говорили не о своем здоровье, не о женах и детях, не о международном положении, но как знатоки – о машинах, механизмах, инструментах, своих главных жизненных ценностях (все эти предметы потом были сломаны, расхищены и безвозвратно утрачены). После возвращения из отдаленных мест Егор Васильевич внешне как будто бы утих или погас. Свои последние годы он прожил в городке Гавриловом Посаде, где купил маленький домик; на посадском кладбище и был похоронен. Мои сестры ездили в городок в семидесятых годах, искали на кладбище его могилу, но не нашли.

Дядя Симеон (или Семен) Васильевич, папин брат, рожденный мачехой, тоже стал мельником. По словам моих сестер, его мельница была в местечке Белый Камень на Ирмези, ее он унаследовал от отца. В Малом Барове, однако, оставался его просторный светлый дом, в котором жили его дети. Дядя Сёма был высокий, красивый человек. Он любил поговорить, рассмешить слушающих. В его светлокарих глазах таился особый огонек, как будто бы предупреждающий окружающих, что вот сейчас он скажет что-то веселое, порадует, разутешит, удивит. Из его репертуара

мне запомнились два стишка, с явно грубоватой деревенской окраской – таков был его юмор:

Пришла курица в аптеку
И сказала: «Кукареку!
– Дайте пудры и духов
Для приманки петухов!»

Раньше были времена,
А теперь моменты.
Скоро кошки у котов
Спросят алименты.

Отчего конфетки сладки?
На них сахарный песок.
Отчего девчонки гладки?
На них пудры на вершок.

Дядя Симеон Васильевич был женат на Анне Петровне Уткиной из своей деревни Малое Барово. Его дети: Александр, Сергей, Михаил, Ольга, Владимир, Иван, Наталья, Глафира. Сын Александр погиб на войне 1914 г., а сын Ваня – на Великой Отечественной. На той же войне был тяжело ранен сын Сергей. В тридцатые годы дядя Сема был сослан и погиб в Ёлнати – лагере на берегах Волги, между Кинешмой и Нижним Новгородом. Детей его я видела еще в те поры, когда была маленькой девочкой, а они были взрослыми молодыми людьми; в дальнейшем они

рассеялись по России, иногда задерживаясь в тех местах, где находили работу. Хорошо знавшие полученные от предков навыки земледелия или уже умелые механики, они были вынуждены работать сторожами, подсобными рабочими или нанимались на временную работу. В конце концов двое детей дяди Семьи обосновались в Подмоскowie, одна из дочерей оказалась в Перми. Я не знаю, кто из них жив до сих пор.

Свое несчастье или беду – судьбу отца – они понимали как знак опасности, от которой могут пострадать и другие родственники, и сознательно воздерживались от общения с ними. Так разрушались родственные связи; никаких многолюдных именин, праздников, дальних поездок после тридцатых годов больше не было.

В числе наших ближайших родственников со стороны отца нельзя не вспомнить Анастасию Васильевну, старшую папину родную сестру. Она была выдана замуж за Игнатия Ивановича Карпычева. Некоторое время они жили в селе Небылом (это село при бывшем и впоследствии разрушенном Кузьмином монастыре, близ Андреевского), где у тети была галантерейная торговля, но свое временно (и предусмотрительно) ее оставив, переехали в Гаврилов Посад, и купили домикомодик в два этажа, но каждый этаж крохотный, с тремя окошечками на фасаде. В

годы моего детства пол на втором этаже был уже перекошен, шел как будто под гору, а сейчас и самого домика нет. Тетя Анастасия имела нрав несколько суровый: никаких улыбок, шуток, болтовни. Ее энергия – общее свойство всех членов отцовского рода – была направлена на помощь близким. Будучи бездетной в браке, она взяла на воспитание девочку, вырастила ее и выдала замуж. Когда дядя Симеон оказался в Ёлнати, тетя ездила к нему, привезла ему что-то из питания, расспросила о житье-бытье. Узнала, что жизнь его было тяжелой: били его там за непокорный нрав, за вредные слова. Может быть из-за этого он там и погиб.

Большую услугу тетя Анастасия оказала и нашей семье, но об этом ниже.

Тетя Настя любила воспитывать. Я редко ее видела, запомнился только один мой серьезный с ней разговор. Встретив меня во дворе или около дома, она меня убеждала назидательным тоном в том, что следует уважать своих родителей, и спросила меня, уважаю ли я их. Вопрос для моего возраста был чересчур абстрактным, и я ответила просто, что люблю папу и маму.

Моя мама Варвара Васильевна, в девичестве Кулёва, родилась в селе Андреевском в 40 км от Владимира, близ разрушенного потом Кузьмина Монастыря. Дед Василий Александрович Кулёв был крестьянин, но кроме

полевых работ еще с увлечением занимался пчеловодством и садоводством. Моя бабушка по матери, Мария Максимовна Мануйлова, была «взята» из села Богданского, что невдалеке от Андреевского. У деда Василия Александровича кроме мамы были дети: Федор, Яков, Анна, Евдокия, Мария, Анфиса.

Яков Васильевич скончался в германском плену во время войны 1914 года. Федор Васильевич был женат на Анне Алексеевне Феклиновой из села Давыдовского (есть ли оно сейчас?), у них было множество детей; я помню только некоторых девочек: Клаву, Варю, Марусю. В поисках работы он уехал однажды в Нижний Новгород и там погиб по неизвестной причине.

Мамина сестра Анна Васильевна еще в юные годы стала монахиней одного из владимирских монастырей.

Сестра Евдокия Васильевна была «выдана» в село Галчаново близ Суздаля за крестьянина Александра Степановича Корягина. Деревни Галчаново теперь нет и в помине, а я ее еще застала, ездила в начале тридцатых годов к тете в гости и попала на какой-то летний праздник (не помню – какой), шествовала по улице важно и неспешно вместе с тетиной внучкой Ньюшей вслед за другими парами гуляющих. Вместе с деревней погиб и уютный тетин дом с его сенечками и чуланчиками. У тети Евдокии были дети: Евлаам-

пия, Пелагея, Константин, Михаил. Младший, Миша, погиб на фронте Великой Отечественной войны, дочери выданы замуж в ближние села. Костя до женитьбы подолгу жила в нашем доме, помогая моему отцу. Потом он со своей женой Марией жил на станции Нерль, был у него там свой домик. Под конец жизни переехал в г. Шую, к своему сыну.

О тете Марии Васильевне, маминой сестре, которую в нашей семье все любили, я пишу ниже.

Самая младшая сестра мамы, Анфиса Васильевна, вышла замуж за Василия Федоровича Кулёва, который работал писарем. Впоследствии их семья переехала в Москву; дети Аркадий, Юрий, Виктор и Лев после смерти родителей остались в Москве.

В характере и склонностях мамы и ее сестер было много общего. Все они были терпеливы, немногословны, даже молчаливы; никогда не говорили «в повышенных тонах», избегали внешних проявлений эмоций. Все были глубоко верующими и набожными, знали содержание и порядок церковных служб. Знали молитвы. Если болели, то не жалуясь переносили болезни. Если случались с ближними, или угрожали им, несчастье, беда, то не ахали и не охали, но замолкали и еще глубже уходили в себя. Я помню, когда наш папа заболел воспалением легких – грозной по тем временам болезнью – и попал в боль-

ницу, побледневшая мама говорила нам тихонько: «Дети, молитесь за папу, чтобы он выздоровел», а сама от тревоги еле выговаривала слова. Столь же негромко воспринимались и радостные происшествия. Так, тетя Мария Васильевна сказала нам однажды, как бы между прочим, что ее младший сын женился, и только по ее просиявшему лицу можно было себе представить, как она рада этому событию: ей нравилась сноха.

Мамины сестры отличались любовью к рукоделиям: вышивке, вязанию кружев; плоды их кропотливой, терпеливой работы были настоящими произведениями искусства. Иногда что-нибудь из их изделий доставалось моим сестрам в качестве подарков, перейдя к ним из деревенских сундуков; подарки ценили и бережно хранили.

Однажды в моем присутствии тетя Маша работала на своем домашнем ткацком станке. Не исключая того, что именно под влиянием маминых сестер мои родные сестры увлеклись рукоделием: они искусно вышивали, вязали кружева, а одна из сестер даже самостоятельно научилась шить легкую одежду. Такое увлечение не помешало им закончить среднее образование и учиться дальше.

Попытки приучить меня к рукоделию успеха не имели, я предпочитала книжечки читать, *бумагу нюхать*, как говорили наши гости, но один грубый и неровный кусочек

кружева моей работы у нас хранился как память о моем первом опыте в рукоделии.

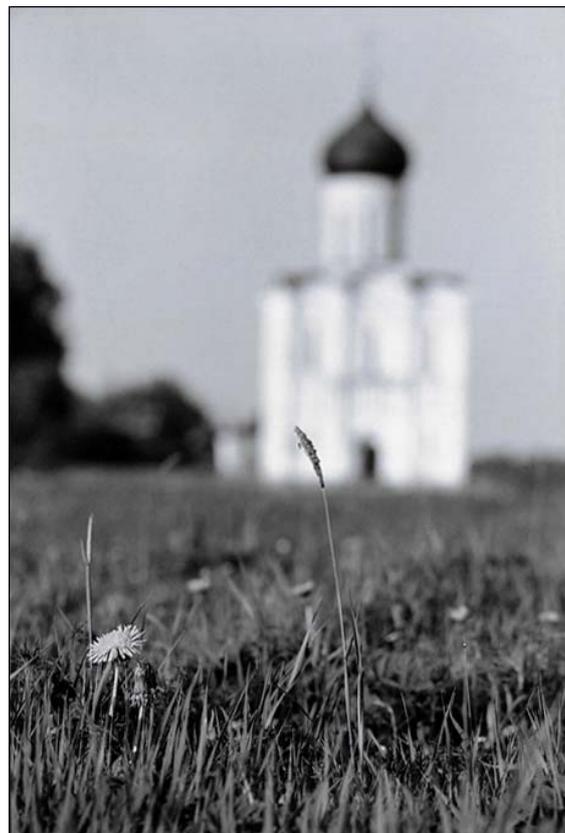
* * *

Людей, о которых я вспомнила и написала, нет в живых. Давно скончался мой отец, вскоре после него – мама. Умер мой старший брат и его трое детей, остались только внуки и правнуки. Погиб на войне мой младший братик, мамин любимец. Нет трех моих сестер, остался сын одной из них. Нет всех моих тетушек и дядюшек, ни из Мало-го Барова, ни из села Андреевского; до последнего времени был жив младший сын Егора Васильевича, но известно, что у него был инфаркт, и давно он не писал в Москву. Неизвестна судьба младшего сына Марии Васильевны, маминой сестры; года два тому назад он еще прислал мне письмо, но на мое последнее письмо к нему мне никто не ответил. Я знаю о существовании двух внучек Марии Васильевны, но о других внуках не знаю ничего.

Но все упомянутые здесь мои близкие люди для меня как бы существуют. Стоит только закрыть глаза и немного о них подумать, как увидишь их живыми – грустящими, плачущими, улыбающимися. То я вижу, как радовались мои сестры, когда я приезжала к ним в Иваново, то, чувствуя свою вину перед ними, прошу меня простить (но не слышу ответа). Вижу их походку, манеру говорить, излюбленные словечки, шутки. Мысленно с ними разговариваю.

Вспоминаю мою любимую сестру Марию; она была мне не только сестрой, но и близкой подругой. В частности, у нас с ней была одинаковая страсть к путешествиям. Мы ездили экскурсионными маршрутами по Волге, Каме, по Днепру, садясь на автобус, посещали далекие от железной дороги маленькие городки Ивановской области, например, Лух, а речным суденышком добирались в Холуй на Тезе. Она была очень добрым человеком, разумным, энергичным, бескорыстным, умелым, и всем на свете интересовалась. Когда она скончалась, я долго не могла этому поверить, хотя и была на ее похоронах и видела ее в гробу. И сейчас мне кажется, что она еще возвратится.

Выше я написала о самых заметных чертах характеров и манеры поведения моих дядюшек и тетушек, и это тоже только потому, что представляю их себе как живых.

Храм Покрова на Нерли

В Шиповой Слободке и Гавриловом Посаде

Жернова сами не едят, а людей кормят.

Пословица

Владимирское Ополье

Шиповая Слободка – село километрах в семи от районного центра Гаврилова Посада. В Шиповой Слободке я родилась в ноябре 1918 г., а крестил меня местный священник отец Иван Троицкий. Близ Шиповой Слободки, на Ирмези была водяная мельница, которую арендовал мой отец. Это была его вторая по счету мельница, а первая была в деревне Баскаки (близ села Богданского), там и родились мой старший брат Александр и сестры Анна, Мария и Ольга. Мельница в Баскаках

была совсем маленькой. Это был первый папин опыт, и ему было не трудно с ней расстаться.

В.Д. Поленов. Старая мельница. 1880 г.

Как рассказывали старшие, перед началом или сразу после начала двадцатых годов (то есть через два или три года после моего рождения) здесь, в Шиповой Слободке, неизвестный бандит однажды вечером пытался убить моего отца. Бандит стрелял с улицы, в окно, а папа стоял в освещенной комнате, у стола, стоявшего близ окна. К счастью, попасть в сердце бандиту не удалось, – а он к этому стремился – пуля задела только краешек легкого, и папа скоро выздоровел. Родственники, ночевавшие в то время у нас дома, бросились найти и поймать бандита, но того и след простыл (о бандитизме двадцатых годов см. ниже).

За те недолгие годы, что прожила я в Шиповой, произошло семейное событие: мой старший брат женился на дочери упомянутого отца Ивана, Надежде Ивановне. Их первый ребенок, мальчик всего на два года моложе меня, нередко жил в нашей семье и был для меня другом – товарищем детских лет.

Воспоминаний о Шиповой Слободке у меня немного, потому что мы уехали оттуда, когда я была еще ребенком. Помню, что у реки были берега с песчаными отмелями: хотелось по ним побегать и пошлепать по кромке воды босыми ногами, но подходить к воде мне еще не разрешали. Помню также ульи, которые стояли на лужайке близ дома, без ограждения; подходить к ним мне было запрещено. Смутно припоминаю сельскую церковь, сад при доме Троицких, красные кисловатые сливы, которые росли в саду.

В то время у меня была старенькая няня Василиса, крестьянка из ближней деревни, жена пастуха. Она была немного кривобока, и поступила к нам с дразнилкой, к сожалению, обидной: *бабушка Василиса, калачом ноги свилиса, в юбке блохи завелиса*. Держась за ее юбку, я и выходила из дома погулять, пока не начала ходить самостоятельно. Маме няня говорила обо мне, что я *нервенный ребенок*. В один из пасхальных дней я пошла с няней, может быть, впервые на своих ногах, в ближнюю деревню, к ее

родственникам или знакомым. Она вошла в дом, а я осталась сидеть на лавочке у дома, и с интересом смотрела впервые, как молодые женщины, следуя пасхальному обычаю, катают яйца прямо на деревенской улице, покрытой первой весенней травкой.

На решение отца расстаться с мельницей в Шиповой Слободке повлияло, скорее всего, событие, случившееся поблизости, в районном городке Гавриловом Посаде. Тут весенний паводок и ледоход вывели из строя водяную мельницу и плотину. Картина разрушений, говорят, была пугающей, катастрофической: мельничная плотина превратилась в хаос из бревен и досок; на фотографии тех лет она была похожа на упавший и рассыпавшийся коробок спичек. Такое состояние мельницы не помешало моему отцу заинтересоваться остатками разрушений и взять на себя восстановление всего мельничного хозяйства. Риск был громадный, шаг отважный. Но местоположение мельницы вблизи районного центра было бы весьма заманчивым для семьи. Тут школы для детей: мне скоро придет пора идти в начальную, а одна из сестер еще не закончила «вторую ступень». Когда мы жили в Шиповой, приходилось для старших сестер снимать квартиру в Гавриловом Посаде, чтобы они могли учиться в старших классах. В сельских школах старших классов не было. Здесь бывает большой вос-

кресный базар, который привлекает крестьян из ближних и дальних сел, и мог привлечь помольцев. К сожалению, не было жилища для семьи, был только маленький арендаторский домик – избушка, в которой жил до приезда отца удалившийся от дел прежний арендатор, убоившись грандиозности разрушений.

Семья не сразу переехала в Гаврилов Посад: мы ждали, когда будет готова «жилоплощадь». Но вот к арендаторской избушке, которая стала потом нашей кухней и столовой, через коридор присоединяется новое строение; там есть и печка-голландка, есть большая комната для детей, комната для родителей. Мебель сборная, книги лежат в фанерных ящиках, кроватей на всех не хватает, но мы все вместе на новом месте.

Для громадной работы по восстановлению мельницы и постройки жилища не было достаточных денежных средств. Папе пришлось залезать в долги (впоследствии он успел с долгами расплатиться). Семья перешла на режим жесточайшей экономии, по крайней мере, на первые годы жизни на новом месте. Во время осенней распутицы я ходила в первый класс в порыжевших от старости сапогах старшей сестры, из которых она «выросла». Жили мы натуральным хозяйством, ничего не покупая. Денег детям на руки не давали: папа считал, что деньги портят детей.

Когда мы поселились в построенном жилище, работы на берегу реки были еще в полном разгаре. В пространстве между домом и рекой разгружались телеги с бревнами, жердями, досками, лапником¹. Слышались скрип телег и ржанье лошадей. Строители строгаги, сверлили, пилили. Строились заново под одной крышей несколько помещений, как то: амбар с сеновалом, комната с печкой и деревянными нарами для приезжающих помольцев, навес для лошадей и телег. Воздвигалась плотина, на ней лавы для перехода на другой берег, строился понурный мост. Вбивались сваи, чтобы защитить от ледохода мельничную плотину. Велись работы на наиболее ответственном участке мельничного устройства – механизме передач движения от мельничного колеса к жерновам. Папу дома мы почти не видели, он был занят на своем руководящем посту, а приходил ненадолго только к обеду, и то потому, что мы привыкли обедать все вместе. Обеденное время использовалось для воспитания молодого поколения. Он учил нас правильно жить: не лгать, не брать без разрешения чужие вещи, уважать родителей, помогать, по возможности, людям, нуждающимся в помощи, помнить о вредности вина.

¹ Лапник – широкие ветки ельника (так же в словаре В.И. Даля). Мягкие нижние ветки елей служили в данном случае для укрепления плотины.

По утрам, случалось, он приглашал младших с собой на реку, чтобы мы посмотрели, как он вынимает рыбу из поставленной с вечера верши. Крупная рыба не попадалась, все больше плотва, окуни, лини; лишь однажды, я помню, попал щуренок, но такая добыча была редкостью. Мы перекладывали улов в ведерочко с водой, и приплясывая несли его маме, чтобы она поджарила к обеду свежей рыбки.

Иногда кого-нибудь из строителей мама приглашала с нами пообедать. Помню, один из приглашенных вкушал гречневую кашу с таким устрашающим аппетитом и в таком количестве, что присутствующим оставалось только старательно скрывать свое удивление, чтобы не обидеть приглашенного. – Не удивляйтесь, говорила потом мама: человек занимается тяжелым трудом.

Да ведь и вкусна же гречневая каша, умело сваренная в русской печке! Но маленькие дети – сущие обезьянки. У детей завелась тайная игра под названием «как NN кашу ест», и тут уж, давая волю преувеличениям, каждый из нас старался изобразить любителя каши в наиболее комичном виде.

Помольцы, ожидающие своей очереди, также нередко заходили в избушку: там всегда было тепло, уютно. Помню, что стену украшала яркая цветная картинка, отпечатанная на плотной бумаге; на ней изображалось чаепитие в крестьянской семье с приглашенным в гости

М.И. Калинин. Сияет начищенный медный самовар, нарядная хозяйка разливает чай, пар поднимается над чашками, блестят очки М.И. Калинина. Сопровождающий картинку текст гласит:

Эй, протри глаза свои,
Посмотри, пожалуйста:
У крестьянина чай
Пьет союзный староста.

За границей мужики,
Как по норам барсуки.
А у нас крестьянин в РИКе,
В Совнарком и во ВЦИКе.

Это творение неизвестного автора я видела в течение нескольких лет по три раза в день (завтрак, обед и ужин) и немудрено, что запомнила его на всю жизнь.

Здесь, в избушке можно посидеть за чашкой чая, потолковать с хозяином и ожидающими своей очереди на помол о деревенских делах и событиях.

Я тоже любила бывать в избушке. Здесь на русской печке, долго сохраняющей тепло, было высокое свободное пространство, где зимними вечерами я читала. Мне разрешали брать туда небольшую керосиновую лампу при условии: осторожно с ней обращаться, а не устроить пожар.

Еще не все строительные работы были завершены, когда мы из дома услышали мягкий кружащийся стук работающей мельницы. Мы потом будем слышать эти приятные звуки почти четыре года. Они никогда не мешают и не надоедают.

О начале работы мельницы стало известно в округе, и к нам потянулись крестьяне; некоторым приходилось занимать очередь и отлучаться по другим делам, оставив в амбаре мешки с зерном. Хозяева, стараясь не слишком задерживать приезжих, иногда дежурили на мельнице и по ночам. Тогда мама уходила сменив отца, захватив с собой старенькую шубейку, чтобы вздремнуть хоть на несколько минут на каких-нибудь мешках.

Прошло немало времени, и мне купили кожаные башмачки со шнурками (не сразу научилась я самостоятельно справляться со шнурками), сшили новое платье.

Закончив работы на мельнице, построив еще у реки баню с котлом для нагревания воды, а около дома – погреб с крышей в виде большого шатра, папа вместе с нами занялся благоустройством территории. Влево от дома, вдоль края огорода, была вырыта узкая длинная клумба – рататка, и сестры посадили в ней неизвестные растения в виде высоких столбиков с темно-красными пушистыми хвостами. Позже, когда я училась уже в третьем классе, из Посада были привезены кусты белой сирени,

с корнями и комьями земли, и посажены перед нашими окнами. Уже через год на ветках появились белые шарики – предвестники будущих цветов.

Творческая натура моего отца требовала дальнейших действий. Он отвез в Москву на сельскохозяйственную выставку образцы своей муки, и был награжден грамотой за отличный размол. Оттуда приехал не с пустыми руками: в большой корзине привез цыплят, из которых у нас выросли невиданные куры. Большие белые крутобокие куры назывались леггорны, они неуклюже носили свое крупное тело. Эти куры относились к мясным породам. Другие, коричнево-красные, похожие на горящий костер или пожар, назывались плимут-роки, и были не только живописны, но и грациозны, однако по размерам уступали белоснежным. Все, кто видел впервые этих диковинных кур, ахали и охали от удивления: так сильно отличались эти птицы от невзрачных деревенских несушек.

При всей занятости, отец успевал еще читать. Он толковал о справедливости высказываний А.Н. Толстого, о пользе его учения. В мудреных вопросах я еще не разбиралась, но имя А.Н. Толстого, произносившееся с особым уважением, запомнила с малых лет. Знал папа и А.С. Пушкина. Однажды в присутствии его я повторяла наизусть заданный в школе отрывок из «Евгения Онегина»; папа заметил ошибку и поправил меня.

Река и заречный луг

Луг с цветами и твердь со звездами

А. Блок

Расскажу теперь о себе, о своих детских переживаниях, чувствах, впечатлениях в годы относительно спокойной жизни нашей семьи, когда дома не случилось никаких бедствий и утрат, а дети пользовались полной свободой, так необходимой при жизни в близости к природе. Таким у меня был период, когда мне было от пяти до одиннадцати лет, то есть часть дошкольных лет и все годы обучения в начальной школе городка Гаврилова Посада.

Здесь наш дом стоял на пригорке, недалеко от реки. Река Ирмезь – приток Нерли – с

Дом Ходовых в г. Гаврилов Посад

ее ласковой водой была идеальным местом для игр и купанья. Не сразу, а постепенно решила я переплывать ее с одного берега на другой, и когда это случилось впервые, я очень гордилась и торжествовала.

В нижнем омуте реки, куда попадала воды от понурного моста, был «необитаемый остров» – узкая полоска суши, затвердевший песчаный нанос-горбыль, поросший чахлыми редкими травинками. На остров можно было легко перейти с берега. Подходящее это было место для игр в Робинзона и Пятницу, для исполнения на нем *танца дикарей*, как мы его себе представляли.

Захватывающее зрелище наблюдали мы на реке во время ледохода, когда с треском ломались, наезжали одна на другую, громылись горами рыхлые льдины.

Но еще интереснее был луг, который расстился за рекой и был от нас хорошо виден. Где-то на горизонте этот обширный луг замыкался растянувшейся цепочкой построек села Володятина, а центром цепочки была очень высокая и стройная сияющая белизной колокольня, которая придавала всему неохватному простору законченный вид и особую красоту. Она была не только центром села, но и центром всего пейзажа.

Моста через реку не было, был только переход над мельничной плотиной, поэтому и дороги из заречного луга к нам не было, а была только пешеходная тропа, по которой шли на нашу сторону жители села – на станцию железной дороги, а в воскресенье – одни на базар, а другие – в церковь.

В детские годы луг за рекой был для меня предметом неиссякаемого интереса, источником бесконечных удовольствий. Весной, после того, как сходил снег и подсыхали огромные длинные лужи, луг становился зеленым и свежим, потом на нем появлялись первые цветы. Это были бубенчики и незабудки. Бубенчиками в нашей семье называли светложелтые цветы округлой формы, напоминающие по виду погребушки; у них был

очень приятный горьковатый запах. Сейчас, через много лет после расставания с лугом, в Москве, даже воспоминание об этом пьянящем запахе воскрешает в душе прелесть весеннего луга.

Незабудки росли на лугу возле небольшого углубления, вроде непересыхающей лужи. Может быть, оно питалось водой от незаметного родника, потому что и почва вокруг него была сыроватая – как раз для незабудок. Географическое открытие крошечного водоема мы сделали сами, во время исследовательских походов по лугу. В центре лужицы было немного стоячей воды над тиной, – и там, ах, какие страшные, жирные, темные, блестящие извивались пиявки! На них можно сколько угодно смотреть, но не разрешатся к ним ступить: пиявки вопьются в ноги и будут пить кровь. Итак, собирание незабудок совмещалось с наблюдением за пиявками. Цветы мы носили домой, сперва пучками, потом приходилось брать для них корзинку. Два мальчика – мои родственники, младший братик и племянник – помогали нести корзинку. Запах весеннего луга мы приносили домой, свободная посуда наполнялась водой и цветами.

Нежная желтизна весеннего луга сменялась пестротой летнего. И не упомнишь, и не перечислишь, сколько там было разных цветов! Наши тогдашние семейные названия цветов иногда отличались от названий, при-

нятых в других семьях. Например, небольшое вьющееся растение, которое мы называли мышинным горошком, иные называли гусиным горошком. А что такое кашка: луговой клевер, или высокие стебли с розовыми душистыми подушками сверху, а что такое куриная слепота, а кто знает цветок «Аграфена-купальница», а как нужно называть известные желтые водяные растения: кубышки или кувшинки? Ромашки крупного сорта, которые иногда бывают в продаже, мы называли поповником, кипрей у нас назывался Иван-чай.

Из живых обитателей заречного луга и реки я помню, кроме пиявок, еще божьих коровок, жуков, пауков-водомеров и лягушек. Увидев божью коровку, мы декламировали нараспев: *божья коровка, божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба; или: божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают конфетки (или: котлетки).*

Отношение к черному блестящему навозному жуку было менее почтительным. Мы задавали ему вопрос и сразу же на него отвечали: *Жук, жук! Где твой дом? – Под коровьим г...*

Водомерки – водяные пауки на длинных тонких ножках сновали на поверхности воды только на одном участке реки, у берега. Нам они казались неприятными, зловещими. В воду с водомерками мы старались не ступать.

Лягушек я люблю до сих пор и особенно радуюсь, когда вижу лягушонка. Ведь лягу-

шонок еще не взрослое существо, он ребенок. Понимаю и разделяю чувства пастушонка из всем известной дразнилки: *Пастушонок-лягушонок! Продай душку за лягушку!* Брать лягушат в руки нам не запрещали (хотя иногда я слышала от взрослых, что от лягушек на руках бывают наросты-бородавки; у нас не было никаких бородавок). Вечно холодного лягушонка я клала на ладонь и, жалея его, согревала дыханием; казалось, что он от этого становится немного теплее.

Нельзя забыть и о таинственной птице, которая жила на лугу. Я ее никогда не видела, но в теплые летние вечера, выходя из дома, слышала ее загадочное глуховатое уханье. Оно как будто бы сливалось с теплой темнотой. Было немного жутко, но хотелось слушать и слушать. Что это за птица была? Может быть, выпь? Так я и не узнала.

Какие бесконечно длинные дни бывают летом! Как много за летний день можно увидеть, потрогать руками, услышать, понюхать, попробовать на вкус! Какие просторы обещать своими ногами!

По мере приближения к осени пропадала пестрая окраска летнего луга. Исчезали луговые колокольчики (в глубине их цветков, как нам говорили, обитают души умерших детей); от них оставались только сухие стебли. Пропадали розовые пушистые звезды Аграфены-купальницы, у ромашек-поповников темнели и

опадали венчики. Исчезали очень красивые миниатюрные лиловые луговые фиалочки, расцветавшие на стебельках-ниточках, летом едва заметные в высокой траве – тогда их находка была редкостью и казалась удачей. Многоцветье луга тускнело. Дольше других оставались невзрачные суховатые красно-коричневые цветы, а также белые и розоватые бессмертники, которые росли целыми полянками-семьями. Но эти цветы не украшали луга. Сердце сжималось тяжелым предчувствием: лето идет к концу! А, может быть, я ошибаюсь, и оно еще продлится? Начало сенокоса убеждало в справедливости опасений. Иногда бывало, что под косу попадал еще цветущий луг, и тогда в валках на лугу оказывались наши летние любимцы, еще яркие и свежие, но уже подкошенные и обреченные на гибель. После сенокоса луг становился как наголо стриженная голова; конец цветам. Теплые и даже жаркие дни еще продлятся, но потом вода в реке постепенно похолодает, дни станут чуть-чуть короче. Приближается постепенно осень. А осенью уже не пошлепаешь босиком по лужам после теплого дождя, не поплаваешь в реке до дрожи и посинения, не побежишь в догоняшки. Прощайте, цветы, жуки, стрекозы, лягушата, пиявки, птицы и рыбы! А, главное – наступит конец свободе, придется ходить в школу и там со смиренным видом сидеть за партой под недрёманным оком учительницы. Разве с этим легко смириться?

Левитан И.И. Лилии. Ненюфары. 1895 г.

Рыболов у реки

На берегу реки часто можно было видеть – обычно в одном и том же месте – рыбака с удочкой. Скорее всего, это был молодой парнишка, потому что взрослые мужчины в летние дни заняты работой, а ловля рыбы удочкой – занятие несерьезное.

Очень хотелось посмотреть, как он ловит рыбу и сколько наловил. Но он гнал от себя всех – и особенно, детей, – которые подходили к нему и любопытствовали и вообще с разговорами: ведь шум может вспугнуть рыбу.

Но если уж совсем невзирая на запрет, хочется посмотреть, следует подойти к нему на цыпочках, бесшумно устроиться на корточках на несколько шагов позади, и сидеть не только молча, но и еле дыша.

Так и ждать терпеливо и беззвучно. Когда же поплавок начнет подергиваться и нырять, рыболов быстрым движением выхватит удочку с леской, и на крючке затрепещет какая-нибудь рыбешка. Тогда, довольный успехом, он может повернуться к сочувствующему наблюдателю, посмеяться, сказать несколько слов, а потом продолжать свое дело.

Много лет прошло с тех пор, но я, как будто это было только сейчас, вижу картину: сияющий летний день, синее небо, спокойная река вровень с берегами, редкие кустики тростника у берега, запах воды и травы, рыболов в красной рубашке и блестящий линь, изогнувшийся подумевшем, висит на крючке над рекой.

Зимой в дороге

Был морозный зимний день, вился на слабом ветру реденький снежок. Я сидела в санях неподвижно как кукла, одетая в шубу и закутанная платками до самых глаз, как и полагается ездить зимой на санях, а папа держал вожжи и посматривал на дорогу. Куда мы могли ехать с ним вдвоем в конце января 1924 г., когда мне еще не было и шести лет? Цель этой поездки забыта.

Вот едет навстречу нам другая подвода, а в санях – знакомый папе человек. Оба выходят из своих саней. Здравуются и долго разговаривают, стоя близ своих лошадей. Потом они разъезжаются каждый в свою сторону. Мой отец, возвратившись в сани, сообщает мне услышанную от встречного новость: «Умер Ленин». Он, конечно, понимал, что я, в моем возрасте, не представляла себе всей важности этого сообщения, но я уже нередко слышала имя Ленина и по тону отца поняла, что случилось событие из ряда вон выходящее, и, может быть, оно каким-то образом отразится на жизни многих людей.

Сеятель на пашне. Отношение к хлебу

Однажды я ехала, вместе с родителями, по дороге, идущей близ распаханного и

готового для посева поля, по которому шествовал сеятель. Из лукошка с семенами, висящего у него слева, он правой рукой очень сильным, но плавным жестом брал и разбрасывал семена по пашне. И хотя мир, оставшийся в воспоминаниях, из-за его отдаленности во времени, кажется как будто застывшим, остановившимся, мне запомнились и мерная поступь сеятеля, и ритмические взмахи его руки. Теплое солнце весеннего утра освещало высокую фигуру с лукошком, и от нее, казалось, исходил свет.

Доброе чувство к сеятелю, симпатия к нему вызывались тем, что он сеял так нужный и так почитаемый всеми хлеб, то есть творил доброе дело.

В нашей семье всегда почти хватало хлеба (если не считать лет войны), но крошки и сухие корки мы не выбрасывали: их бережно собирали для кур, для скота, а дети своими оставшимися крошками кормили птиц. Неприемлемость и даже греховность небрежного отношения к хлебу, внедряемая в ум и сердце с детских лет, осталась на всю жизнь, так что и сейчас я собираю крошки и корки в особом пакете, кормлю или голубей и воробьев во дворе, или на своем окне, куда летом они без страха прилетают.

Уважительное отношение к хлебу распространялось и на созревающие в поле злаки: их не полагается мять, играть там в прят-

ки, а васильки можно собирать на межах или близ дороги, не залезая в посевы.

Так же относиться к хлебу приучали детей и в других известных мне семьях. Значит, почтительность по отношению к хлебу есть вековая народная традиция.

Размышления о мироздании, жизни и смерти

*Кто видел простака из поваров такова,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?*

М.В. Ломоносов

В своих воспоминаниях я хотела пове­дать не только о том, какие картины природы, люди и предметы окружали меня в детстве, но и о детской душе, только-только постигающей жизнь. А в жизни есть чему удивиться, с чем трудно согласиться, что волнует, пугает, отталкивает душу маленького человека на пути взросления.

К нам домой приходил наш знакомый, и он сказал мне, что наша земля шарообразна, она вращается вокруг солнца, есть и другие планеты, похожие на нашу землю, и они тоже вращаются вокруг солнца. Я знала, что он не лгун и не насмешник, поверила ему, и у меня возникло новое чувство – вроде удивления, даже испуга или потрясения. Подумать только: земля не бесконечна, она где-то за­кругляется, и если продвигаться по одной

линии, то можно попасть на то же место, где я нахожусь.

Я знала местечко на луку, слегка углубленное, где росла очень высокая и густая трава (скорее всего, там дольше, чем в других местах, стояла талая снежная вода); и сейчас, через много прошедших лет, я могла бы найти это место. В траве можно было спрятаться, так что никто и не увидит. Там я легла на спину, для того, чтобы небо было прямо перед глазами. Укрытие было удобно и тем, что никто не отвлечет, не помешает в одиночестве осмыслить, сделать своим достоянием только что открывавшуюся предо мной картину мира. Я старалась разглядеть на небе шарообразные планеты – что-то раньше я их не замечала; как бы впервые вглядывалась в глубину неба, но там не было их и следа. Только потом я узнала, что днем они не видны, да и в ночном небе их не каждый может отличить от других светил. Но не нужно сомневаться в том, что они существуют. Правда, есть небесный объект, хорошо мне знакомый который, действительно, постоянно передвигается по небу, восходит и заходит. Удивительно, что именно он и служит центром, вокруг которого вращается небесное устройство! Не укладывалось в голове новое знание. Казалось бы, все должно быть наоборот.

Размышления кончились тем, что в густой траве я потеряла ножницы, которые взя-

ла из дома с непонятной теперь целью. По этому поводу дома было высказано в мой адрес немало горьких, но справедливых истин. Но по сравнению с грандиозной картиной вращения миров, которая заняла мое воображение, потеря ножиц казалась мне сущим пустяком.

Наблюдения не помогли мне обнаружить также и признаков шарообразности земли. Заречный луг нигде не понижался, казался ровным до самого села с его высокой колокольней. Но в сознание входило что-то новое и важное. Происходила еле заметная утрата детских представлений о мире и усвоение новых истин: оно не обходилось без недоумения и молчаливого протеста.

Столь же трудно было сразу поверить в разговоры о том, что каждый из живущих на свете рано или поздно умрет. Пока этот факт, казавшийся невероятным, не подтвердился, я думала, что умирает только тот, кто утонул, или попал под поезд, или найден убитым. На мой вопрос: – и я тоже умру? (с надеждой на отрицательный ответ) или не отвечали, или отвлекали мое внимание на что-либо, не связанное с темой разговора. Лишь однажды мне ненадолго внушили надежду на бесконечную жизнь, сказав, что за отдаленное время до моей старости врачи успеют придумать лекарство от смерти. Позднее, когда мне стало ясно, что пощады не будет никому и нико-

гда, я в душе, стала возмущаться тем, что и плохие, и хорошие люди одинаково равны по отношению к смерти. Есть люди добрые, бескорыстные, готовые защитить других раньше, чем себя, неужели нельзя отличить их от других злых или обыкновенных людей и награждать, если уж бессмертие невозможно, хотя бы очень долгой жизнью, то есть отодвинуть наказание смертью?

По пути в школу

Дети соседей, живших близ нашего дома, в нижнем этаже ветряной мельницы, которая потом сгорела, были постарше, чем я и мальчики – мои родственники. Они и внутренне отличались от нас. Цветочки-лепесточки, лягушата и рыбы их не интересовали. Это были здоровые, горластые юные существа; они играли в буйные, подвижные игры, и в спорах выясняли, кто из них выиграл, и кто проиграл. Для участия в играх к ним приходили и другие дети. Я с ними только раз или два играла в лапту, но из-за разницы интересов не слишком стремилась к близкой дружбе.

Когда я сказал этим детям, что осенью мне придется впервые идти в школу, они начали рассказывать о школе всякие ужасы. Учительницы злые; если во время урока поговоришь с соседями по парте, сразу же услышишь замечание. За более серьезные нару-

шения – вылетишь из класса в коридор, и стой там до конца урока. Наконец, за шалости могут вызвать в школу родителей, и тогда дома без наказания не обойтись. Вообще напустили страху. Поэтому, когда я впервые пошла в школу, на душе было тяжело, как, может быть, у человека, которого ждет несправедливое наказание.

В первый раз на пути в школу меня сопровождала сестра (мои сестры были старше, чем я), и вот, когда нам пришлось идти близ реки, которая своей излучиной подходит к дороге к школе, я сняла обувь и босиком побежала по мелководью, по камешкам, покрытым прозрачной водой. Так я спасалась от страха перед школой, зная, что сестра не полезет в реку, чтобы меня поймать и насильственно потащить с собой. В реке я остановилась, держа в руках обувь, и сказала ей, что в школу все равно не пойду, мне страшно, пусть она идет домой, а я останусь здесь. Она, стоя на берегу, стала действовать на меня силой убеждения: мою фамилию уже внесли в список первоклассников, и если я не приду, то ее вычеркнут из списка, и я останусь на всю жизнь необученной невеждой; если я буду себя хорошо вести, то ничего злого или страшного мне не сделают; долго стоять в воде без движения очень опасно: можно простудиться и т. п.

В конце концов, скрепя сердце, я вышла из реки и потащила в пугающее учреждение. Там оказалось не только не страшно, но очень увлекательно, так что иногда я оставалась в школе после окончания уроков.

В начальной школе

В школе интерес к природе постепенно отступал перед интересом к людям и их делам.

В классе я оказалась в кругу детей с разными привычками, интересами и воспитанием. Были и буйные драчуны, *настоящие разбойники*, как обычно говорят о таких мальчишках, и тихони-ябеды, и подлизы. Были и аккуратные нарядные девочки, с которыми не так-то просто было подружиться: они держались особняком и, как видно, считали себя высшими существами. Например, дочка ветеринара, приносившая в класс свои домашние книги с рассказами о Шерлоке Холмсе, далеко не всем давала их почитать. Я была в числе жаждущих и получивших отказ (но не унизилась до попрошайничества и молча проглотила обиду). Были скромные тихие дети, которые на переменах, когда в коридоре будто бы раскалялся воздух и дрожали стены от криков и топота, не буйствовали, не дрались, не спорили, но молча жались по углам.

О самом процессе овладения грамотностью не могу припомнить ничего замечательного. Я пришла в школу, уже самостоятельно прочитав до этого сказки Пушкина, сказки Андерсена. Потом бессмертный Робинзон Крузо надолго захватил мое воображение. Я мечтала, что вот только немного подрасту, убегу из дома и, – за отсутствием поблизости настоящего необитаемого острова, – буду жить в лесу, построив себе хижину. В школе же для некоторых детей еще только началось обучение чтению и письму. Уже в первом – третьем классах я читала книги «для взрослых», которые были у нас дома. Мою особую симпатию тогда вызвало творчество Н.А. Некрасова. Для меня, живущей полудеревенской, по сути, жизнью, весь мир предметов и событий в произведениях этого автора был понятен и близок: лошади, собаки, сани, телеги, крестьянская утварь и постройки, орудия труда. Но в чем я полностью совпадала с Н.А. Некрасовым, был доступный мне мир чувств: жалости и сострадания к беднякам, осиротевшим, угнетенным, изнемогающим от нужды и непосильного труда. Это было настоящее родство душ: души Некрасова и моей. Наш домашний однотомник Некрасова, отпечатанный на серой бумаге еле заметным шрифтом, был как бы пропитан моей любовью к некрасовским персонажам и только что не облит слезами сочувствия к ним.

Одним из источников узнавания жизни стали отмечаемые в школе так называемые памятные даты: годовщина Октября, праздник 1-го мая, годовщина смерти В.И. Ленина 21 января 1924 г., «Кровавого воскресенья» – расстрела царским правительством мирного шествия в Петербурге 9 января 1905 г., годовщина расправы над рабочими ленских приисков в апреле 1912 г., годовщина Парижской коммуны марта-мая 1871 г. Воспоминания о названных событиях были своего рода приобщение к истории, хотя в данном случае история и входила в наши души только отдельными, не связанными между собой эпизодами. Учительница объясняла нам сущность и значение памятных дней, требовала учить наизусть стихи и песни, посвященные очередной годовщине. Большинство этих стихотворений я помню до сих пор. Привожу только некоторые выразительные отрывки. Например, об Октябре:

...Чего вы ждете, дети, весело?

– Мы твердо знаем, что из туч,

Которыми весь мир завесило,

Блеснет нам скоро яркий луч!

Тот луч – Октябрь! Весна среди осени!

Он ясен всем без лишних слов!

Семь лет тому назад мы сбросили

С себя позорный гнет оков! (и т. д.)

О празднике 1-го мая:

Давно-давно, в день первый мая,
На площадь высыпал народ.
И крикнул: «Рабства гнет сломаем!
За труд свободный – все вперед!»
Прошли года, и красным шквалом
Разбили мы темницы дверь.
Но давит лапа капитала
В других краях еще теперь.
Настанет час великий, грозный.
Рабочих рати в бой пойдут,
Над целым миром вспыхнет лозунг:
«Да здравствует свободный труд!»

Торжественно и печально отмечалась годовщина смерти В.И. Ленина: ведь он скончался всего на два года раньше моего поступления в первый класс, память о его смерти все еще витала в воздухе, все в школе его жалели, а его портрет, перевязанный траурной лентой, висел в классе на стене. Вот некоторые отрывки из стихотворений на смерть В.И. Ленина, которые мы учили:

Ревут гудки со страшной силой
В морозном воздухе зимы,
Крича и громко и уныло:
– Вождя, вождя хороним мы!..
.....

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

.....

И пять ночей в Москве не спали,
Из-за того, что он уснул,
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

А также:

Устремлены к могиле этой
Сердца трудящихся всех рас.
Он умер, но его заветы
Живут в сердцах рабочих масс.
В них наша жизнь, в них наша сила,
Маяк среди бури мировой.
В них буржуазии могила,
Заря коммуны трудовой!

К годовщине «Кровавого воскресенья»:

Раскусили мы царя
В день девятый января!
Шли к нему мы с челобитьем,
А ушли с кровопролитьем:
Царь-отец перед дворцом
Угостил народ свинцом!

Как царя мы раскусили,
Так уж больше не просили;
Стала правда нам видна:

Революция одна
Даст рабочему народу
Настоящую свободу!

А также:

Их были тысячи. Доверчивой толпою
Они к дворцу царя с его портретом шли...

Помню только начало одного из стихотворений о Парижской коммуне:

На баррикаде, кровью залитой...

Мы вместе со всей страной переживали актуальные для своего времени общественные задачи всенародного значения, по малолетству не участвуя в них, но как бы мысленно поддерживая и сочувствуя им. Процесс коллективизации в то время еще не развернулся, но были другие проблемы. Много слов было сказано и написано в наших учебниках о пользе смычки города с деревней. Идея смычки, например, поэтически воплощалась в виде картины движущихся паровозов, которые тянули товарные поезда: один поезд из города в деревню, другой – из деревни в город:

Паровозных гудков перекличку
Чутким ухом услышать сумей
И почувешь великую смычку
Трудовых городов и полей. [...]

Паровоз из Москвы заливаётся,
На подъемах пыхтит, отдувается:

– Пуф, пуф, помоги!
Я везу сапоги.
И мануфактуру, и литературу [...]
Паровоз, паровоз, ты чего привез:
– Молотилок, братики, да серпов, да кос...
– Я везу подъемный кран
На Мурман, на Мурман.
– Я – машины для Баку, я муку, я муку.

Идею электрификации всей страны мы тоже встречали с большим сочувствием. Действительно, как будет красиво и светло, когда во всех городах и селах, в квартирах и избушках загорятся «лампочки Ильича»! На тему электрификации было множество стихов, например:

Столбики, как мальчики, став в шеренгу весело,
Белые бокальчики поверху развесили...

Или:

...Ты постой, погляди, ночь-то, ночь какая!
Впереди и позади светом залитая.
Там фонарики горят, огоньки дробятся,
Все про это говорят, не наговорятся.
Да и есть о чем у нас говорить народу,
Свет по проволоке к нам проведен с завода.

Тема электрификации иногда сплеталась с темой смычки. Вот стихотворение о том, как приехал из города агитатор, чтобы убедить крестьян построить на селе неболь-

шую электростанцию. Он обещает шефскую помощь города:

Волновался и шумел народ:
– Что ж, коль город предлагает смычку!
И решил единодушно сход
На деревне строить электричку.

Чтоб речной крутилася водою,
Коль наука, значит, не обман.
И качал седую головою
Старый, старый, дедушка Степан.

Мы, ученики, не волновались и не шумели, выслушивая рассуждения подобного рода от учительницы или читая о них к учебнике. Нам все они вкладывались в голову в уже готовом виде. Убедительными они казались и потому, что облакались в красивую поэтическую форму. Было очевидно, что эти новшества полезны для всего народа, и мы, дети, совсем не против их.

Занимали наше воображение также и уроки, свободные от какой-либо тематики общественного и политического звучания. Они явно уступали последним по количеству учебного времени и по «накалу страстей». Например, были уроки о временах года, о сельскохозяйственных работах, о ремеслах (см. ниже о кузнецах и кузнице). Теме «наша страна» было посвящено несколько занятий. Мы с удивлением и интересом впервые узнали о природных зонах нашей родины, о заня-

тиях жителей, их жилищах, животном мире. Был урок о Средней Азии с ее степями и песчаными пустынями, барханами, караванами верблюдов, саксаулом. О сибирской тайге и таежных охотниках. О Дальнем Востоке – там в лесу растут лианы, а живут хищные уссурийские тигры, и как опасно на них охотиться. На северных берегах Тихого океана живут охотники на тюленей и морских котиков, а также китобой: *...а в лодке сидят: китобой с гарпуном, двенадцать на веслах, один за рулем.* Северные народы, жители тундры, ездят на легких санках-нартах, в которых запряжены ездовые собаки. Жилища северных народов – чумы – сделаны из оленьих шкур. Стада оленей живут в тундре, олени питаются мхом-ягелем. В хрестоматии было стихотворение о тундре и ее жителях, такое красивое, что я люблю его до сих пор:

Осень-старушонка к чуму прибредет,
Сядет у чувала, песню заведет.
Улетели гуси, утки, журавли
В теплый край далекой солнечной земли.
Побелеет тундра, запоет пурга,
Синие озера запусат снега.
День за днем короче, умирает год,
Близок срок, и солнце вовсе не взойдет.
И над мертвой тундрой в сумраке ночном
Яркое сиянье заблестит венцом.

Я тогда и сама сочинила коротенькое стихотворение на эту тему (в нем рифмовались олени и тюлени), но у меня получилось хуже, чем у неизвестного автора, который нашел красоту в суровой зимней тундре и красиво о ней написал.

Мы всем классом ходили на экскурсии. Кузница – один из объектов познания жизни – была недалеко от школы, мы дошли до нее пешком. Внутри кузницы весь класс не мог разместиться, поэтому нас впускали туда небольшими группами, в то время как оставшиеся на улице смеялись, толкались, дразнились, радуясь тому, что не сидят в школьных стенах. Внутри были пылающие в горне угли, добела раскаленные железки, кузнечный мех, наковальня, инструменты. Кузнецы-хозяева, понимая важность роли чуть ли не экспонатов выставки, старались сохранить серьезный вид, но невольно посмеивались, глядя на толпящихся и глазающих на них малышей.

К сожалению, нам не довелось тогда увидеть, как подковывают лошадей. В связи с походом в кузницу мы учили стихи:

– Эй, кузнец, молодец! Расковался жеребец!
Ты подкуй его опять! – Отчего не подковать:
Вот гвоздь, вот подкова. Раз-два, и готово.

А также:

Дышит мех, гудит огонь,
Поднимает ногу конь... и т. д.

В начальной школе историю «не проходили», ее, как будто, и вовсе не было. Если немного забежать вперед, то и в старших классах десятилетки истории как самостоятельной дисциплины тоже не было, а были уроки обществоведения, на которые мы, не имея предварительной подготовки, должны были усваивать мудреные абстрактные истины из области высокой политики. Урок обществоведения в шестом или седьмом классе, посвященный критике ошибок Карла Каутского, запомнился из-за множества бранных эпитетов, которыми преподавательница наградила творца реакционных теорий. Можно было подумать, что он ее личный враг. Если бы только Каутский слышал! Он был оппортунист, шовинист, ренегат, злобный клеветник, он даже выступал против диктатуры пролетариата! Мы не очень ясно представляли себе конкретное содержание каждого из обвинений, поэтому не могли разделить ее отвращения к главному персонажу урока и ее разоблачительного пыла. Вообще же она предпочитала орудовать готовыми формулами и штампами и не заботилась о том, понимают ее или нет. Таким образом мы «знакомились с историей». Но этот урок о Каутском

был позднее, в старших классах. Теперь снова возвратимся к годам в начальной школе, о которых и пишу.

Наша учительница начальных классов, немолодая уважаемая дама, одетая и причесанная с непривычной для нас старомодностью, пыталась восполнить отсутствие в программах исторических разделов ознакомлением нас с памятниками русской старины. Однажды весь класс отправился вместе с ней по железной дороге на экскурсию в соседний недалекий Юрьев Польский. Этот небольшой городок все же побольше нашего Гаврилова Посада, а главное – значительно старше. Там русская история встретила нас в ее наглядном материальном воплощении. Мы были обязаны возвратиться домой вечером, с обратным поездом, поэтому из-за недостатка времени осмотрели немного, но уж, конечно, задержались подольше у знаменитого Георгиевского собора XIII века, украшенного пышным убором барельефов из белого резного камня. Фигуры воинов, женские лики соседствовали на его стенах с фантастическими изображениями нереальных растений и животных. Удивил лев, улыбающийся зловещей улыбкой, закинувший свой хвост на спину, а на хвосте расцветает большой причудливый цветок (очень похожего льва я видела потом во Владимире, когда рассматривала там Дмитриевский собор). Все это загадочное и

поразительное убранство требовало объяснения, истолкования, но экскурсовода не было, и мы просто пожирали собор глазами, обходя его кругом несколько раз. Запомнилось присутствие среди фантастического мира более-менее реалистического изображения слоника на одной из стен: но каким чужеродным казался слон рядом со скромным спокойным пейзажем окружающих мест. Спустя много лет я была здесь на экскурсии, которой руководил специалист по русской истории. Вот тогда я узнала о Георгиевском соборе то, что нам не успели рассказать на школьной экскурсии. Собор был сооружен в 1234 г., за четыре года до татаро-монгольского нашествия на Русь, князем Святославом Всеволодовичем, на месте церкви Георгия, поставленной в 1152 г. князем Юрием Долгоруким в ново-созданной здесь им крепости. В шестидесятих годах XV в. здание собора обрушилось, и в 1471 г. было собрано заново московским строителем Ермолиным, но первоначальные сюжетные композиции его резного убора от перестройки пострадали ¹.

Впервые увидела я на школьной экскурсии земляные валы, возведенные нашими предками в XII в. На бархатных травяных

¹ Подробнее об этом см., например: *Воронин Н.Н.* Владимир. Боголюбово. Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1967.

склонах валов паслись белые козы. Необычным казалось то, что козы щипали траву в центре города.

Теперь возвращаюсь от седой старины снова к моим школьным годам: расскажу о том, как в школе мы пели «Интернационал». Теперь мне кажется, что пение повторялось каждый учебный день, но даже если даже и не так, то, по крайней мере, очень часто пели. Стоя, всем классом, мы громко исполняли этот гимн перед началом уроков, что было похоже на клятву или молитву.

Несмотря на то, что текст Интернационала был напечатан на обложках наших тетрадей и выучен наизусть, мальчики в одном и том же месте текста обычно путали порядок слов. Грозный взгляд учительницы – и они на мгновение замолкали, а потом, когда трудное место пройдено, пели вместе со всеми. Едва ли мы полностью понимали смысла текста. Например, было неясно, кто такие псы и палачи, над которыми грянет небесный гром? Но и не вдумывались в эти слова, а пели-распевали, радуясь возможностью громко петь и слушать поющих соседей. Дети всегда любят петь.

«Внеклассная работа» вносила в школьную жизнь творческий элемент. В классе была стенная газета – большой лист плотной бумаги, заполняемый написанными от руки заметками и стихами учеников. Моя обязан-

ность состояла в том, чтобы на этом листе рисовать цветными карандашами или акварельными красками бордюры – рамку из цветов. Для этого требовались и любовь к делу, и расчет. Не раз мне приходилось из-за этой работы задерживаться в школе после уроков.

Двух девочек назначили в санитарную комиссию. Вот кто гордился своей ответственной должностью! Они ходили по классу, глядя на детей свысока. Стиль поведения у них был очень строгий: ни улыбки, ни шутки. По сторонам они не смотрели, на замечания не отвечали. Можно было позавидовать их назначению: они осматривали наши руки, а детей с грязью под ногтями отправляли в умывальник, и им повиновались, даже мальчишки. Их непреклонный вид действовал сильнее слов. Кроме того, они развешивали на стенах такие призывы: «Руки мой перед едой!»; «Много грязи на дороге, много пыли на пути. Вытирайте чище ноги, перед тем, как в дом войти»¹. И как бы в поддержку этого последнего воззвания перед крыльцом школы стоял таз с водой, лежали тряпка и веник.

¹ Позже, в старших классах, был в ходу другой «санитарный» лозунг: «Вши, клопы и пауки нам несут заразу. Их разводят дураки, умный душит сразу. Тот дом плох, где много блох» (может быть, это шутка или пародия).

Усталость от хождений в школу

В годы обучения в начальных классах, когда мне было 7-8 лет, я однажды проснулась с мыслью, что мне сегодня тяжело идти в школу, вот бы хоть раз пропустить уроки! Действительно, путь в школу был неблизок и особенно труден зимой: приходилось иногда выбираться из снега, искать утоптанную тропинку, стараться не поскользнуться и не упасть. А завязнуть в осенней грязи – тоже приключение не из приятных. Однажды на пути в школу я попала в опасную ситуацию, о чем не рассказала дома, чтобы мои родные не волновались за меня даже «задним числом». Я переходила улицу перед школой и, поскользнувшись на накатанных санными полозьями снегу, упала на самой проезжей части улицы. В это время подъехал мужичок на лошади, запряженной в сани, и умница лошадь остановилась, увидев перед собой лежащий живой человеческий комочек в шубе и укутанный шалью до глаз. Лошадь меня даже не тронула копытом. Прохожие женщины подняли меня, отряхнули снег и помогли перейти через улицу. Я даже не ушиблась, но потом долго дрожала от страха: что бы со мной случилось, если бы лошадь не остановилась?

К физической ежедневной усталости, непривычной для маленького человека, присоединялась еще непривычность к подчине-

нию. Если бы можно было ходить в школу только потому, что там интересно, а не потому что это обязательно! Регулярность ежедневного раннего вставания с постели и торопливость выхода из дома, боязнь опоздания, казались мне нестерпимыми после свободы ранних лет, которая казалась мне естественной для каждого человека; может быть, это состояние духа можно назвать протестом против «казармы», еще непривычной дисциплины, подчинения чужой воле.

Однажды утром я сказала маме, что в школу сегодня не пойду, а чтобы это заявление подкрепить серьезным доводом, я придумала такое объяснение: «у меня болит нога». Мама сразу поняла, что я притворяюсь, что устала, и она решила меня проводить: взяла «за ручку» и повела с собой. Разговаривая, мы незаметно прошли большую часть пути, потом она ушла домой, а мне было уже нетрудно добраться до школы.

Только постепенно не без воздействия взрослых я покорилась закону: школьные занятия нельзя пропускать!

Маленькие трагедии —

I. Из предыдущего может сложиться представление, что все мои школьные годы были радостны и безоблачны. Это не так, были и неприятности, и иногда по моей вине.

На втором году моего обучения в школе устроили новогоднюю елку, пришли на нее дети со своими родственниками. Сначала обычный хоровод и танцы, и «в лесу родилась елочка», потом выступления детей. Выступающий становился на возвышение, все затихало, ждали песни или стихотворения. Для меня второй класс был временем особого увлечения творчеством Н.А. Некрасова, я знала многое наизусть, и в частности, стихотворение «Крестьянские дети», и решила выступить, чтобы поразить присутствующих его обширным объемом. Но это стихотворение не только объемное, но и трудное для декламации, в нем есть, например, диалог. И благополучно дойдя до середины, я поняла, что забыла дальнейший текст, разволновалась и замолчала на своем актерском месте. Тогда ко мне подошла старенькая незнакомая учительница (она дежурила на елке), и каким-то шипящим шепотом со злобой сказала, что если я не знаю стихотворение, то нечего с ним и вылезать, сходи со своего места и дай его другим. Я сгорала от горя и стыда, захотелось поскорее уйти домой, новогодний праздник был у меня испорчен из-за собственного моего тщеславия. Сопровождавшая меня сестра на пути домой шла молча и, как видно, ей было стыдно за меня.

К счастью, в классе потом никто не вспомнил о моем провале, не дразнили меня

и не насмешничали, но я сама очень долго помнила свой позор и помню до сих пор.

II. Предметом второго сильного переживания была маленькая толстая белая собачка по кличке Нерон. Ее моя сестра получила от кого-то в подарок, очень о ней заботилась и не позволяла никому с ней гулять. Однажды мне захотелось нарушить этот запрет, погулять и побегать с собакой. Мы ушли с ней далеко от дома, и вдруг она убежала от меня и исчезла, как я ее ни звала. В это время пришла домой сестра, в отсутствие которой я сманила собаку, и пришлось мне признаваться в незаконном поступке. Опечаленная и рассерженная, она отправила меня обратно на улицу на поиски Нерона, сказав, что она не пустит меня в дом, если я не найду собачонку. Я поняла угрозу в буквальном смысле и представила себе, как ночью сплю на улице прямо на земле, без одеяла и подушки, а чужие собаки обнюхивают меня, кругом бегают крысы, комары кусают. Страшная перспектива заставила меня снова идти на поиски; я искала собачонку повсюду, побывала даже на неизвестных мне дотоле улицах, страшно боясь рычащих собак и незнакомых мальчишек, которые, нахально глядя на меня, как будто раздумывали, запустить ли в меня камень или палку. Обошла все старое кладбище, где уже никого не хоронили, ходила между заросших травой и

кустами могил и уже охрипнув, все звала «Нерон, Нерон!». Но собака как сквозь землю провалилась. И с повинной головой, без всякой надежды на прощение, отправилась домой. И когда на обратном пути проходила мимо сарайчиков, облепивших дорогу к дому, из одного вышел незнакомый дядечка, услышавший мои призывы, и сказал, что к нему в сарай забежала белая собака, забила под верстак, а он не знает, чья это собака и что с ней делать. Едва веря в конец моих поисков, я ее поманила, и когда она выбежала из сарая, мне хотелось ее расцеловать и нести домой на руках. Вернулась домой, не чуя ног от усталости, с истерзанной страданиями душой. Так я намучилась из-за своеволия.

III. Учебную литературу в школе не продавали, а выдавали бесплатно с условием использования ее на протяжении всего учебного года, а потом возврата в школу для учеников, перешедших с осени в класс того же года обучения, который окончили мы. Поскольку одни и те же книги предназначались для использования более чем одним поколением учеников, то есть на несколько лет, ставилось условие вернуть книги чистыми, без наших надписей и помет, не рваными и не потрепанными. Иными словами, нам надлежало беречь школьные книги как зеницу ока.

И вот настала весна, когда пришла пора возвращать в школу выданную мне книгу

«Новый мир» (это было собрание литературных произведений для детей), а я не могу книгу отыскать. О необходимости возврата книги учительница напоминала мне два раза – во второй раз суровым тоном и глядя на меня с подозрением (я понимала, в чем она меня подозревала). Третьего разговора с ней я боялась как огня и уже стала опасаться, что меня выгонят из школы, а книга все не находилась. Дома я не сразу призналась в своем трагическом положении, предчувствуя, что меня же обвинят в неаккуратности, привычке разбрасывать свои учебники, а папа повторит сердито свою знаменитую тираду: «Сто тысяч раз вам говорил, что каждую вещь нужно класть на свое место!» Помню, как я ходила около дома и напряженно думала, что же мне делать, очень жалко оставлять школу. В слезах я все-таки сказала маме о своем горе, и дома был объявлен аврал: вся семья начала искать книгу. Нашли ее в совершенно неожиданном месте: в коридоре наверху высочайшего хозяйственного шкафа. Я туда ни в коем случае не смогла бы дотянуться, значит, я не виновата в том, что она потерялась. Впрочем, теперь уже было неважно разбираться, кто же виноват, книга все-таки нашлась, и я успокоилась. Впереди было счастливое время каникул.

Таковы мои первые детские трагедии. Когда буду старше, и трагедии будут серьезнее.

Поющие голоса

В пору моих детских лет вокруг меня, казалось, пели все. Даже моя серьезная и всегда озабоченная мама, если ее попросили, вполголоса запевала старинную песню, которую она слышала в детстве. В ней Каспийское море еще называлось Хвалынским: Как по́ морю, как по́ морю, как по мору́, мору́ синему, как по мору́, мору́ синему. По синемуму, по синемуму, по синемуму по Хвалынскому, по синемуму по Хвалынскому. Плыла лебедь, плыла лебедь, плыла лебедь с лебедятами, со мальчуганами и т. д. Мама, кажется, знала только начало песни. Что уж говорить о молодежи и даже о людях среднего возраста, их без пения даже представить себе невозможно. Пели старинные песни и романсы, народные песни, арии из опер, изредка частушки, какие-то неслыханные, самодельные песни, может быть однажды услышанные и сильно видоизмененные. А нашей семье были молодые девушки, мои сестры, они привыкли заниматься рукоделием. Освободившись от обязательных дел и занятий, в том числе от учебы и выполнения школьных заданий, они вышивали, шили, вязали кружева и при этом пели: ведь за рукоделием заняты только руки, а душа свободна. Написал же А.С. Пушкин о девице, которая пела за прялкой: «В избушке

распевая, дева, Прядет...» Ниже я перечислю некоторые (те, что помню) произведения вокальной лирики, повторявшиеся в нашем доме. Романсы пели сестры и их подруги: Чайка (Вот вспыхнуло утро, румянятся воды...), Камин (Ты сидишь у камина и смотришь с тоской...); Калитка (Лишь только вечер затеплится синий...); Костер (Мой костер в тумане светит...); Подойди ко мне, цыганка...; Отойди, не гляди, скройся с глаз ты моих...; Поговори хоть ты со мной, гитара семиструнная...; Гори, гори, моя звезда...; Я встретил вас – и все бывшее в отжившем сердце ожило...; Ночь светла, над рекой тихо светит луна...; Я влюблена в одни глаза...; Белой акации гроздь душистые...; Не говорите мне о нем...; Что-то сердце забилося пугливо...; Ехали на тройке с бубенцами...; Спокойно и просто мы встретились с вами...; Когда я на почте служил ямщиком...; Ямщик, не гони лошадей...; Накинув плащ, с гитарой под полою...; Не осенний мелкий дождичек...; Не скажу никому, почему я весной по полям и лугам не собираю цветов...; Колокольчики мои, цветики степные...; Любил я очи голубые, теперь люблю я черные...; Уймись, волнения страсти...; У зари, у зореньки много ясных звезд...

Кроме романсов слышались у нас арии из опер. Приходил к нам знакомый – горделивый красавец, голова немного откинута

назад, во взоре вдохновение – вид то ли поэта, то ли артиста. У него был прекрасный голос. Он пел арию князя из «Русалки»: «Невольню к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила», а также из «Демона»: «...И будешь ты царицей ми-и-ра». Он делал вид, что влюблен в одну из моих сестер, которой в ту пору было 16–17 лет. Деревенская женщина Фроня пела все одно и то же начало самодельной баллады о говорящем покойнике: «При темной ноченьке холодной скрывался месяц в облаках. На ту зеленую могилу пришла красавица в слезах. При той могиле она встала и стала плакать и рыдать. И вдруг могила задрожала, из гроба голос раздался» (*могила задрожала* – произносила она). Как можно было заметить, необходимостью рифмы она пренебрегала и продолжения не знала или не хотела петь.

Во время наших скромных празднеств, в том числе чьих-нибудь именин, пели хором хозяева и гости. У нас на праздничный стол никогда не подавалась водка, потому что мой отец не выносил даже запаха алкоголя, так что это было пение трезвых людей. Зато «от души» пили чай. Самовар поспевал и опустошался, его снова наполняли водой и разжигали. Бывала среди гостей рекордистка, которая за вечер выпивала по 7 чашек чая. Интерес гостей к чаепитиям вызывался не только чувствами симпатии и дружбы к нашей се-

мье (это было, конечно, главным побуждением прихода к нам), но он несколько подогревался и сахаром, и вареньем, которые бывали на столе – радостями для женской части наших гостей. В те времена сахар был дорог – дороже меда. Большие куски сахара, купленного в магазине (может быть в Москве), кололи щипцами на мелкие кусочки и так помещали в сахарницу ¹.

Мы, дети, не стремились в общество взрослых, за стол не садились, но ведь песню и издали услышишь. Вот некоторые из «застольных» песен, которые, впрочем, пели не только за столом: Хас-булат удалой; Златые горы; На муромской дорожке; Ермак (Ревела буря, дождь шумел); Варяг (Наверх все, товарищи, все по местам); Разбойники (Среди лесов дремучих разбойнички идут...); Коробейники; Тройка (Вот мчится тройка удалая); Ванька-ключник; Когда я на почте служил ямщиком...; По диким степям Забайкалья...; Славное море – священный Байкал; Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно;

¹ О том, что сахар в провинции появился сравнительно недавно, свидетельствует еще неустановившееся тогда произношение производных от слова сахар. Я слышала, как женщина, убаюкивающая своего ребенка, приговаривала: «Спи, мой сладкий, спи, мой сахарный!» (с ударением на втором слоге в слове сахарный). См. ниже анекдот о сахаре, в котором человек, пришедший в гости, не знает названия этого продукта.

Глухой, неведомой тайгою; Колодники (Спускается солнце за степи...); По Дону гуляет казак молодой...; Из-за острова на стрежень...; Вниз по Волге реке, с Нижня Новгорода; Лучина (То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит...); Ничего мне на свете не надо...

Пели песни обязательно все участники торжества, даже люди с плохими голосами и с полным отсутствием музыкального слуха: кто как умеет, так и поет. Замечания и одергивания не допускались.

Свой вклад в разнообразие знакомых мне вокальных жанров вносили частушки – произведения народно-поэтического творчества. От песен и романсов они отличаются тем, что создаются как бы сиюминутно, легко запоминаются и быстро «прививаются», что способствует их широкой распространенности. В каждой местности есть собственный «фонд» частушек (например, на берегах Онеги я слышала частушки, не известные в моих родных местах), но в смежных территориях границы их бытования размыты, текучи. В более позднее время частушки стали заимствоваться из передач по радио и телевидению.

У нас в доме частушки слышались не часто, только иногда кто-нибудь вспомнит особенно забавную, но зато в моих поездках в деревню я с ними познакомилась очень близко. В деревне их пели чаще всего на маленьких гуляньях, после работы. Здесь они

сопровождались плясками. Иногда присутствовал гармонист, реже балалайка. Перед домом, где устраивалось пение и пляска, трава обычно вытоптана, а земля утрамбована и как бы даже отшлифована до блеска обувью здесь плясавших. Зрителей всегда было больше, чем исполнителей. Но пение частушек можно было услышать и от людей, идущих в поле или с полевых работ, а также во время домашних трудов.

Частушки бывают и лирические, и с юмором, есть и откровенно вульгарные. О разнообразии и вообще о характере их тематики свидетельствуют некоторые примеры, которые я привожу здесь (вульгарных не сообщаю).

Частушки «исторические», давно уже забытые, но при мне их пели:

Я в своей красоте
Больше, чем уверена:
Если Троцкий не полюбит,
Выйду за Чичерина!

Сами, сами комиссары,
Сами председатели!
Никого мы не боимся,
Ни отца, ни матери.

О любви:

Под окном стоит береза,
А я думала – Сережа.
Я взяла да обняла,
Ее Сережей назвала.

Занавески редки-редки,
Милый – роза, милый – роза,
Чернобровую видать.
Как бы с этой чернобровой
Вечерочек погулять!
Милый – роза чайная.
При тебе хожу весёла,
Без тебя печальная!
Милый Лёня, милый Лёня,
Я давно в тебя влюблена,
Я давно влюбилася,
Говорить стыдилася.

О ревности и желании отомстить сопернице:

Я свою соперницу
Отвезу на мельницу.
Положу ее на круг (т. е. жернов – К.Х.)
Вертись, вертись, нечистый дух!

О собственном успехе у кавалеров:

У меня милёнков тридцать,
Я не знаю, куда скрыться,
Пойду, брошусь в реку.
Пушай сидят на берегу!

О собственной лихости и удали:

Я *Цыганочку* плясала,
Шибко топнула ногой.
Все четыре ухажера
Покачали головой.

О бедности: Частушка Фрони:

Пошла бы я плясать,
Да только нечего кусать.
Сухари да корки,
Да на ногах опорки.
У меня калоши есть,
Берегу их к лету.
А, по совести сказать,
У меня их нету!

Сожаление о том, что не богат родительский дом:

Кабы я, была бы я
Из дома двухъяэтажного
Тогда бы я, могла бы я
Надеяться на каждого.

О сложных отношениях снохи с родителями мужа:

Девки – замуж, девки – замуж,
А на Масленцу домой.
Не хочу служить свекрови,
Хочу мамыньке родной.
Просватали меня
В дом деревянный.
Свекровь – сатана,
Свекор – окаянный!

О преимуществах незамужней жизни:

Не ходите, девки, замуж,
Замужем невесело.
«Одна девка вышла замуж,
Голову повесила.

Мил гуляет, укоряет:
В Мясоде я женюсь!»
Мил женился – изменился,
Я гуляю – веселюсь!

Есть целая серия частушек, в которых высмеиваются физические или умственные недостатки (может быть, мнимые) избранника (или избранницы). Их смысл и цель не совсем понятны. Может быть, это особый вид кокетства или заигрывания:

У меня милёнок есть,
Стыд по улице провесть:
Лошади пугаются,
Извозчики ругаются.

Моя милочка красива
Только «тоненький» носок:
Восемь курочек усядутся,
Девятый петушок.

Все бы пела, все бы пела,
Все бы веселилася
Да одно меня сгубило:
В дурака влюбилася.

Частушки «местного значения», например:

Я поеду в город Шую
Там куплю гармонь большую.
Как приеду на село,
Заиграю весело!

Из частушек «с юмором»:

В фотографии снимался
Вышли карточки «не те»:
На затылке нос остался,
А глаза на животе!
Две старухи без зубов
Говорили про любовь:
- Мы с тобою влюблены
Ты в кисель, а я в блины

Близки к частушкам короткие плясовые припе-
вочки, например:

Раздайся, народ!
Меня пляска берет.

Плясала вприсядку,
Любила Васятку!

(с ударениями на первом слоге в словах *плясала* и *любила*).

Я написала о разнообразии и обилии произведений вокальной лирики, придуманных и сочиненных песенок и частушек, которые как бы окружали меня в мою дошкольную пору и в годы обучения в начальных классах. С переездом в Иваново и поступлением в пятый класс средней школы все это богатство улетучилось и уступило место произведения другой тематики и других жанров. Контраст станет очевидным, когда я приведу некоторые примеры песен этой поры.

Пионерские песни, которые пели на пионерских сборах, лагерных кострах: Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих...: Песня о юном барабанщике: Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо...; Возьмем винтовки новые, на штык – флажки... и др. Песни гражданской войны и Октябрьской революции: о Чапаеве, Буденном, Ворошилове, песня о Ленине, в которой вождь пролетариата выступал в облике Степана Разина: Всколыхнулся ярко красен стяг восставших за народ; нет, не умер Стенька Разин, снова, грозный, он идет..., и другие. Песни о революционерах зарубежья: Свободу Тельману; Рот фронт. Песни об индустриализации в нашей стране: Гремит, ломая скалы, ударный труд...; Урал, Урал, Магнитная гора, Урал, Урал, пустынные ветра. Но партия сказала: дать сталь, дать сталь! И комсомол ответил: все по местам! и т. д.

Сельская тематика нашла в то время отражение в песне о трактористе-комсомольце, который был убит кулаками: облит керосином и подожжен: ...Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати... и т. д.

Некоторые песни пела и я вместе со всеми, на школьных уроках Музо, а также всюду, где собиралась группа учеников, например, в школьном дворе в ожидании какого-нибудь собрания, похода, запаздывающего руководителя и т. п.

В противоположность этому, девочки потихоньку переписывали из альбомов друга друга песни, совершенно лишённые актуальных для своего времени общественно-политических мотивов, как, например: Девушку из маленькой таверны полюбил суровый капитан [...] полюбил за пепельные косы, алых губ нетронутый коралл, за которых смуглые матросы выпивали не один бокал... (матросов в наших местах никогда не бывало).

А в нашем дворе от юношей не самого примерного поведения можно было услышать и такие песенки: Говорила сыну мать – не водись с ворами: в Сибирь на каторгу пойдешь, греметь кандалами.

**Путешествия по любимым краям
и восторги души**

*Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?*

А. Блок

Мне теперь понятно, почему мой отец иногда брал меня с собой в поездки к своим родным и знакомым. Пользы от моего присутствия в телеге или на санях не было для него никакой: я обычно молча сидела, созерцая открывающиеся в пути картины. А, как я понимаю, брал он меня для того, чтобы я с ранних лет прониклась несравненной красотой родной природы, замечательного мира, в котором я жила.

По моим представлениям, дети вообще чувствуют красоту более остро и глубоко, чем взрослые, вечно занятые прозаическими заботами, скучными неотложными делами.

В один прекрасный день начала лета мы поехали навестить семью папиной двоюродной сестры Лидии Петровны, которая жила с мужем-лесником в лесной сторожке, довольно

далеко от нашего дома. Здесь я должна заметить, что семьи наших родных, обычно многодетные, были рассеяны по территории нескольких соседних районов и нередко проживали далеко одна от другой. Теперь там нет почти никого из родных, кроме нескольких потомков прежних родственных нам семей (для нас эти потомки, как говорится, уже *седьмая вода на киселе*), и далеко не всех мы видели в лицо. Причина в том, что сельское население в целом сильно сократилось, так что некоторые известные мне в детстве населенные пункты перестали существовать. Например, деревня, где жили предки моего отца, как я писала выше, уже не существует. Сейчас, как мне известно из рассказов побывавших на ее месте людей, о деревне напоминают только замусоренный колодец с непригодной для питья водой, да мощные кусты сорных трав на местах бывших усадеб. Между тем, в годы моего раннего детства там были крепкие просторные дома, ухоженные сады и огороды, и я со своими родителями ездила туда на Петров день. Помню крупную и спелую – почти черную – малину в одном из огородов, куда хозяева отправляли детей полакомиться ягодами. Другие села и деревни, особенно крупные, хотя и сохранились, но заметно оскудели жителями за счет роста городского населения. Некоторые наши семьи рассредоточились по всей стране. Сейчас

есть наши родные и на Урале, и на Алтае, где они прижились и «пустили ростки».

Теперь о нашей поездке. Она была замечательной и запоминающейся. Городок Гаврилов Посад, в котором я жила, расположен в безлесной равнине. Ближайший лесок, очень небольшой, находился от нас на расстоянии семи или восьми километров; туда иногда устраивали выезды горожане, целыми семьями, на телегах, чтобы погулять и отдохнуть или с целью собрать ягоды или грибы. Но даже там я не была ни разу, не говоря уже о настоящем большом лесе. И вот мы въехали под свод деревьев, и я почувствовала влажную душистую прохладу лесного царства. Наконец, я впервые в настоящем лесу!

Дом семьи лесника одиноко стоял над оврагом, окруженный белоствольными берегами. В овраге журчал хрустальный ручей, по оврагу, как всегда близ ручьев, росла густая зеленая трава и цвели яркие цветы. К ручью от дома проложен удобный спуск: видно было, что жители сторожки брали в ручье воду. Вся эта картина захватывала душу своей красотой, чистотой и свежестью, нетронутостью и непо потревоженностью никем и ничем. Ни пылинки, ни одной смятой травинки! И при этом лесная тишина, в которой слышно только журчание ручья. Я не видела никогда ничего подобного, это был особый, незнакомый мне сказочный мир.

Мне было разрешено погулять, пока взрослые обсуждают свои дела. Я умылась ледяной водой ручья. Душа была переполнена чувствами, которые требовали выхода. Но когда мы поехали обратно, я только и могла сказать, что мне бы хотелось остаться здесь навсегда. Действительно, побывав в этих местах, уже не захочется бежать на необитаемый остров!

В более поздние годы, когда я стала читать М.Ю. Лермонтова, я нашла у него строки о студеном ключе, гуляющем по оврагу – в числе других картин природы, которые ему дают возможность «постигнуть счастье на земле»¹ – и еще раз вспомнила уединенный уголок с лесной сторожкой, который произвел на меня такое сильное впечатление, что и до сих пор стоит перед глазами.

Не менее восхитительными были и другие запомнившиеся мне путешествия. Летом, в частности во время каникул, меня отпускали из дома в гости, и я с большим удовольствием ездила к моей тете Марии Васильевне, сестре мамы, которая жила в большом селе Андреевском Владимирской области, где мама родилась и жила до замужества. Однажды под-

¹ Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, -
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

(Когда волнуется желтеющая нива...)

вернулись двое мужчин, которые ехали в своей телеге в направлении этого села, хотя и минуя его, и меня отправили с ними. Мы выехали вечером и должны были ехать всю короткую летнюю ночь. Дорога шла по красивейшим местам, вдоль высокого берега речной долины. Рано утром, еще до восхода солнца, небо над противоположным низким берегом реки стало светлеть, потом появились первые яркие краски, возникло живописное зарево, охватившее как будто бы всю половину неба, наконец из-за лесочка медленно выползло солнце и все кругом озарилось и позолотилось. Вся эта картина постепенно меняющаяся, медленно разворачивалась перед нами. Я видела не раз солнечные закаты, но восход видела впервые, да еще с некоторой высоты, в последовательности всех его этапов. Вот это было зрелище!

Наконец мужикам-возчикам понадобилось сворачивать направо. Мы переехали реку по мелкому месту, где курица вброд перейдет, и приехали в село, где жили совершенно незнакомые мне люди – родственники жены одного из папиных братьев. Я попала в это село в первый и последний раз. Тут возчики сдали меня с рук на руки в дом, и хозяйка отвела меня в «терраску» (летняя пристройка к дому), где устроила мне постель на полу. После езды на тряской телеге и всех восторгов прошедшей бессонной ночи я моментально заснула, а проснувшись, получила кружку молока и немалый кус свой-

скового хлеба. Затем мне показали дорогу к конечному пункту моего путешествия.

Мой одинокий путь по незнакомой местности начинался подъемом на невысокий, но длинный увал.

Эти холмы мягких очертаний очень украшают пейзаж. Особенно картинно они выглядят, когда из-за них показывается верхняя часть какого-либо высокого строения, например колокольни с крестами или куполов церкви (в моем детстве – чаще всех пострадавших от времени). Создается впечатление, что они как бы парят в воздухе. Я видела такие картины под Суздалем, уже в более позднем возрасте.

Но вернемся к моему путешествию.

Я долго шла по дороге, поднимающейся кверху, а теплый ветер с запахом полей, беспрепятственно разгулявшийся на возвышенном месте, дул упруго и плотно навстречу и мешал идти. Было хоть и радостно (был душевный подъем), но и чуть-чуть жутко идти в одиночестве по нехоженой мною дороге, но ни одна живая душа не встретила меня на пути. Наконец, дорога пошла вниз и я увидела вдали знакомое село Андреевское – его темно-зеленые сады и белую церковь. Теперь можно было не спешить и уже больше ничего не бояться.

Городок Гаврилов Посад

*Живу я в городке
Безвестностью счастливым
А.С. Пушкин*

Городок Гаврилов Посад, в котором прошли мои дошкольные годы, а потом и пора обучения в начальной школе, я считаю местом начала моей сознательной жизни.

В годы моего детства он был совсем небольшим: я полагаю, что его можно было пройти хоть вдоль, хоть поперек, за полтора-два часа. И все же это был город, известный еще в XV веке, один из торговых центров ста-

рой России, славящийся издавна торговлей хлебом. Специализация неудивительная: городок и его окрестности находились в пределах клина плодородной земли, так называемого Владимирского ополья, с его давней традицией земледелия.

Он был в пору моего детства мало известен. Даже сейчас, когда я во время разговора упоминаю о нем, мои собеседники морщат лоб, стараясь вспомнить что-нибудь связанное с его названием, но обычно ничего не припоминают и спрашивают: «А где он находится?» Между тем он находится совсем недалеко от таких широко известных городов, как Суздаль и Юрьев Польский – свидетелей ранних этапов истории северо-восточной Руси.

Но хотя наш городок был и безвестен, и мал, признаки настоящего города были у него налицо.

В центре, на базарной площади, возвышался городской собор. Он привлекал не только горожан, но и крестьян из ближайших деревень и сел, в которых отсутствовали церкви. Были кирпичные городские торговые ряды, подобные тем, что есть в других старинных русских городах, например, в Костроме, Суздале. Работала на окраине уцелевшая текстильная фабричка; от другой осталась только кирпичный остов, который в мои детские годы стоял без крыши и окон.

Была больница, два школьных здания: начальная школа, где я училась, и «вторая ступень», где были классы с пятого по девятый – красивое двухэтажное здание с широкими всегда чистыми блестящими окнами, построенное уже после Революции на средства, собранные горожанами. Во «второй ступени» учились мои сестры.

Было несколько основательных кирпичных двухэтажных домов, построенных бывшими состоятельными людьми; теперь в них размещались районные и городские учреждения.

Была станция на железной дороге Москва-Кинешма (большой колокол висел на перроне, возвещающая отправление поезда), почта, фотография, парикмахерская, аптека – в

аптеку меня посылали за лекарствами, и я бегала туда, зажав в руке монетку (однажды потеряла и пришлось возвращаться, чтобы взять другую). Местная конюшня, построенная в некотором отдалении от жилых домов, славилась своими питомцами - племенными владимирскими тяжеловозами. Рядом с конюшней, на склоне к реке, пышно разрастались кусты сирени, которые выделяли эту часть городка из прочей городской застройки, придавая помещениям конюшни и жилищам обслуживающего ее персонала несколько романтический вид. Здесь и жил с семьей ветеринар, дочка которого училась со мной в одном классе и приносила в школу интересные книги из дома.

Я перечислила только наиболее внушительные приметы населенного пункта, позволяющие считать его городом. Но стиль городка, его особый колорит, складывается и из мелочей. В городке трудились ремесленники-частники, они изготавливали и тут же на месте продавали свои изделия. Например, были два колбасника, которые так готовили колбасу: они добавляли в фарш зеленые фисташки, и изготовленная из такого фарша колбаса очень живописно выглядела на разрезе; стоит ли говорить, какая она была вкусная и душистая. Достаточно было зайти в дом колбасника, и вам продадут самой свежей.

Был мастер по изготовлению гармошек и баянов (на доме была вывеска с изображением гармошки). Сапожник не только починял обувь, но и шил кожаные обувки. Наряду с мясной лавкой «Кооперация» был и мясник-частник; его жену – полную, краснолицую, очень добрую женщину бесцеремонно называли мясничихой. О кузнице уже говорилось выше. В воскресенье на площади шумел обильный базар. На возах можно было видеть разнообразную крестьянскую съестную продукцию. Гончары-горшечники раскладывали свои черепянные изделия, подложив, прямо на земле, под свой товар какие-нибудь рогожки или половички. Переливались на солнце горшки, кринки, рукомойники с носиками, кувшины, иногда затейливой формы, украшенные блестящей зеленой глазурью.

Когда по воскресеньям мама собиралась на базар, я ее упрашивала взять меня с собой, но не всегда достигала желаемого, потому что ей мешала. У нас были разные заботы: у нее – покупка продовольствия для семьи, у меня – покупка мороженого. Тележка мороженщика притягивала, как магнит. Там было несколько сортов мороженого, каждый сорт своего цвета, в зависимости от фруктовых или ягодных добавок. А какие две кругляшки – вафли продавец выдавал с каждой порцией! На одной вафле читалось имя де-

вочки, на другой – имя мальчика (Вера – Коля, или Маша – Петя и т. п.).

Библиотекарша в детской библиотеке сама подбирала выдаваемые книги соответственно возрасту и пристрастиям читателей, которые она угадывала. Был небольшой магазинчик с писчебумажными товарами; там мне все нравилось и все хотелось купить, но особенно привлекали акварели и цветные карандаши. Какой там стоял приятный смешанный запах бумаги, красок, чернил!

Мне однажды довелось побывать на одном из первых у нас киносеансов (а, может быть, и самом первом). Кинотеатра еще не было, а кино показывали в зале одного из старинных особняков. Или киномеханик был неопытный, или аппаратура не очень исправная, но в показе фильма были бесконечные перерывы: экран освещался, потом угасал, свет в зале то выключался, то включался. Пошел фильм, на экране на зрителей поползли военные машины, целились на нас пушки и пулеметы. Хотя я и знала, что это всего лишь картины, все равно было страшно и ничуть не интересно.

Теперь несколько слов о нравах и обычаях обитателей. В городке каждый знал всех, и все знали каждого. Такие события как свадьба, рождение младенца, похороны моментально становились известны всем. Даже острое словцо, смехотворная шутка, услышан-

ные раз, надолго становились всеобщим достоянием и повторялись в каждом подходящем случае. Вот, например. У одного состоятельного горожанина были некрасивые дочери, их никто не брал замуж. В ответ на недоумение озабоченного отца собеседники однажды высказали предположение, что девицами никто не интересуется по причине их чересчур длинных носов. Отец девушек отверг этот довод как несущественный: *Носа-те – не порок, было бы в кармане-то*, – возразил он. Афоризм повторяют и по сей день, его специально произносят с «оканьем», присутствием для жителей городка.

Вспоминается рассказ-анекдот, всегда вызывавший дружный смех слушателей. Вот его содержание. В одной семье были две барышни-невесты, и некий приезжий кавалер захотел с ними познакомиться и, может быть, потом посвататься к одной из них. Но он не знал что обе страдают дефектом речи, который тщательно скрывают: они картавили. Барышни, узнав о предстоящем визите, сговорились между собой молчать, когда придет кавалер, чтобы он не услышал, как они картавят. Вот приходит кавалер, поклонился, сел на диван, закурил папиросу. Все молчат. Потом кусочек недогоревшего пепла упал на коврик у дивана, и младшая воскликнула в тревоге: «Каварер-каварер! Поровик-от прогорер!» А старшая ее одернула: «Ты б сидера

да морчара, будто деро не твое!» Так барыш-
ни обнаружили недостаток речи.

Когда я слушала этот рассказ, я не могла понять, что же в нем смешного, почему все смеются. Теперь в этих барышнях и кавалерах мне слышится отзвук восемнадцатого века. Столь же несмешной был анекдот о сахаре. Один купец пришел в гости к другому, хозяин стал его потчевать, говорить ему, чтобы он чувствовал себя как дома и угощался без церемоний. Гость решил, что церемония – это сахар, названия которого он еще не знал. Гостю было жаль остаться без сахара, и он попросил хозяина: «А нельзя ли мне хоть немного поцеремониться?»

Многолюдным бывало городское гулянье в Ильин день, т. е. в августе, в пору еще теплого лета. По середине главной улицы, попарно или по три человека в ряд неспешно и чинно шествовали нарядные, преимущественно молодые, люди. Зрители – пожилой народ, а также дети – стояли в сторонке, ближе к домам. Девочки – будущие модницы, пока еще играющие в куклы, деловито рассматривали праздничные платья молодых женщин и делились впечатлениями.

Один из нарядов поразил мое воображение и запомнился навсегда: это было белое платье, перевязанное в талии широким красным шарфом из тонкой шелковой ткани, а концы шарфа завязаны в виде пышного бан-

та. Я и мечтать не могла, что у меня когда-нибудь может быть такой наряд, а только любовалась им бескорыстно, как произведением искусства.

Заметным событием бывала встреча поездов. Весной, летом и в теплые дни осени к прибытию московского поезда на станцию стекалась оживленная и принаряженная публика. Встречали, провожали, просто разгуливали по перрону, стояли группами, смеясь и разговаривая. Поезда в то время на станциях стояли подолгу. Люди приходили, «чтобы других посмотреть и себя показать», узнать последние местные новости. Обычай гуляний при встрече поездов известен и на других станциях железной дороги ¹.

В зимние праздники, по вечерам, из дома в дом ходили ряженые. Увидев их впервые, я испугалась: они были одеты в овчинные шубы и тулупы, мехом наружу, и напоминали диковинных зверей. Что-то проговорив и пропев, получив в награду пирожки, они поспешно удалились.

В праздники 1 мая и Октябрьской революции в городке проходили демонстрации. Мы, школьники, несли красные флаги, в теп-

¹ См., например: Дон Аминадо (А.П. Шполянский) «Шли поезда по Казанской дороге». (Из подборки стихотворений этого автора в журнале Огонек № 48, 1988 г.): *Где-то какие-то барышни в белом // Вышли встречать поезда.*

лую погоду одетые в белоснежных рубашках, кофточках, с пионерскими галстуками. Пели бодрые оптимистические песни: Наш паровоз вперед лети, в коммуне остановка [...]. Доставалось от нас в песнях мировой буржуазии.

Однажды демонстранты, идущие в соседней колонне, притащили на улицу тяжелую плоскую фигуру Чемберлена, вырезанную из фанеры или из картона¹. Чемберлен был в черном цилиндре, брюки в полоску. При помощи веревочек фигурой можно было управлять: поворачивать голову, поднимать и опускать руки. Носители фигуры, сознавая свою ответственную роль и разрешение распорядиться, по своему усмотрению избирали мальчишек среди желающих подергать за веревочки, а желающих было больше, чем счастливцев, которым это удавалось. Во время остановок, когда Чемберлена прислоняли к столбу или забору, около него толпились юные демонстранты.

Как можно судить по описанию жизни городка, в те отдаленные времена, когда я училась в начальных классах, казалось естественным и неудивительным сосуществова-

¹ Остин Чемберлен – английский политический деятель. Был одним из инициаторов разрыва Англией дипломатических отношений с СССР в мае 1927 г. Во времена моего детства Чемберлен был мишенью для карикатур и насмешливых частушек.

ние в нем старого и нового. Пение «Интернационала» совмещалось с посещением церкви, а демонстрации 1-го мая и 7 ноября – с гуляньем в Ильин день. За церковной оградой, вдоль ее, тянулась улица Розы Люксембург; была еще улица III-го Интернационала. Большие дома дореволюционной постройки, вместившие новейшие учреждения, население все еще называло по фамилиям их прежних владельцев.

В детские годы я слышала легенду о том, что название городка происходит от имени разбойника, который в неведомые времена, еще до того, как оформился городок, жил на далеком от нашего дома берегу реки, и грабил прохожих и проезжих. Разбойника, будто бы, называли Гаврилой, а кусты, в которых он свил свое разбойничье гнездо, называли Шилов куст или просто Шилово. Мои сверстники ездили в Шилов куст собирать растущие там в кустах весенние цветы: подснежники и ландыши – редкость для наших безлесных равнин. Я же этот Шилов куст никогда не видела. К сожалению, невозможно проверить, есть ли в этой легенде что-нибудь соответствующее действительности.

Раз уж речь зашла о разбойниках, сообщу и о таких, которые жили в гораздо более позднее время, приблизительно в начале двадцатых годов, и сообщения о них более достоверны, чем слухи о легендарном Гаври-

ле. Наши знакомые видели пострадавших от этих разбойников, или слышали о них от соседей пострадавших. Одного разбойника звали Юшка, другого – Харитошка Чокурников. Орудовали они не в самом городке, а в окрестных селах. Разъезжали на тройках, внезапно нападали на заранее намеченные дома зажиточных крестьян и, быстро ограбив хозяев бесследно исчезали.

**Сельские впечатления.
Воспоминания
об утраченном**

*Уже налились колоски.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые.*

Н.А. Некрасов

*Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.*

А. Блок

В село Андреевское, в гости к тете Марии Васильевне, сестре моей мамы, – я ездила не раз, и даже однажды ходила пешком в обществе тети. Во время первой поездки, на санях, на престольный праздник Ми-

хайлов день, я была еще так мала, что крышка тетиного стола была выше моей головы.

Потом, когда стала постарше, ездила к ней с попутчиками, без родных, летом, а когда пошла в школу – на летние каникулы. Когда мы шли пешком – путь немалый от Гаврилова Посада до Андреевского – приходилось не раз усаживаться отдохнуть, перекусить. У села Денисьева мы пили воду одного из ключей, текущих там с горы; эти ключи, затем сливаясь вместе, образуют начало речки Ирмези, на берегах которой, когда она станет шире и глубже, прошло мое детство. Мне тогда это «причащение» ключевой водой казалось вещью, магическим действием: я пью воду из

истоков моей любимой реки, нужно загадать желание, и оно исполнится.

Путешествие пешком по родным местам нисколько не утомляет, только радует. Я особенно любила живописные дороги через хлебные поля – главное богатство и красоту нашего края.

Тетя жила с младшим сыном в половине большого крестьянского дома. Было тесновато. Как положено в деревенском доме, была большая русская печь, а также стол, лавки, кровать. Не могу вспомнить, где и на чем я спала, чем питалась. Неудобства, если они и были, не замечались, потому что добрый нрав хозяйки дома, ее сердечное участие в делах близких ей людей, как будто сглаживали и делали несущественными внешние условия бытия. Я любила ее словечки, ее диалектную фонетику (например, она говорила *установка* вместо *остановка*).

У тети Маши была трудная жизнь. Ее муж Евампий Арсеньевич погиб в войне 1914 года, она осталась одна с детьми. В пору моего детства старшие дети уже разлетелись по своим гнездам, остался с ней мальчик, на 2 или 3 года старше меня. Нелегко ей было без мужа вырастить детей, но в пору моих посещений я ни разу не слышала от нее никаких жалоб на трудности жизни, а такие жалобы были бы так естественны в ее положении. Была у нее черта характера, которая

делаала легким и приятным ее общество: никогда ни одного осуждающего слова, насмешки, взгляда, жеста, ни одного строгого нравоучения или упрека в адрес другого человека – особая крестьянская немногословная деликатность как свойство натуры, с которым человек как будто появляется на свет. Мне всегда казалось, что она моя подруга, хотя я была еще маленькой девочкой, а она вырастила сыновей. Я была счастлива, когда она брала меня с собой в поле, и эти выходы за пределы села были интереснее любого развлечения. Однажды мы вместе подкапывали молодую картошку и попали под дождь; бег сломя голову с поля домой под проливным дождем и в промокшей до нитки одежде – это было приключение! В другой раз тетя пригласила меня с собой в поле, когда пошла жать пшеницу. Тут я вовсю старалась ей помочь, но не умела вязать снопы соломенными жгутами-перевяслами, а только осторожно складывала срезанные серпом стебли с колосьями в одну кучу, а она их связывала. Подошла соседка, поздоровалась и сказала льстиво: «Марья Васильевна, а у тебя помощница!» Тетя ей что-то тихонько ответила; сомневаюсь, что это было что-либо похвальное по поводу моей помощи. Но меня она ни разу не упрекнула за неловкость, неумелость, незнание крестьянского труда; действительно, в тот раз я почти ничего не нажала, а руку поре-

зала серпом, и ей же пришлось лечить мою ранку тысячелистником (успешно).

Мне было с тетей интереснее, чем с мамой, вечно занятой хозяйством и озабоченной: ведь у нас была большая семья. Мне всегда казалось, что и тетя рада моему приезду к ней. Тетушка старалась чем-нибудь меня развлечь, устроить что-то вроде забавы, игры. Например, мы с ней выходили «на охоту»: старались поймать ежа, который вечерами повадился бегать *по своим делам* в сарай позади огорода. Не сразу он был пойман, но, наконец, попался: его накрыли фартуком и принесли домой. Недолго просидев под печкой, вскоре он удрал из дома, несмотря на то, что ему предлагали молоко.

Было у меня и трудовое задание: приносить воду из родника, протекавшего в овраге. Женщина-соседка несла оттуда по два ведра на коромысле, но мне и одно ведро с водой было трудно нести наверх по склону оврага – я об этом сказала и выслушала разумный совет: приносить несколько раз по половине ведра или даже совсем понемногу – насколько хватит сил. Так, вместо тяжелого труда получилось удовольствие: хорошо в летний день черпать ключевую воду, погружать в нее руки, смотреть на блестящие брызги! (позже родниковую воду стали подавать по трубе наверх на сельскую улицу).

Интересно было посмотреть на де-душкин сад, который в годы моего детства уже носил печать близкой гибели. По словам потомков деда Василия Александровича (отца моей мамы), этот громадный яблоневый сад насчитывал когда-то около сотни плодовых деревьев, и некоторые из них приносили яблоки ценных сортов. Сад был так велик по площади, что дорога, окружавшая село «по задкам», пересекала его и делила на две части: «передний огород» (ближе к дому) и «задний огород». Ограды у сада не было: да и сколько нужно было израсходовать материала и какой затратить труд, чтобы его огородить! Охранялся он только в пору созревания яблок; тогда в саду строили шалаш, а в нем ночевал кто-нибудь из семьи в качестве охранника. Яблок там собирали громадное количество, хватало всем наследникам. Излишки возили за 40 километров на продажу во Владимир. Помню рассказ мамы о том, как во время одной поездки ночью (приехать в город нужно было к утру, к началу торговли на рынке) при спуске в овраг воз с яблоками перевернулся, а яблоки рассыпались; как же трудно было их собрать!

После того, как дед скончался – это произошло раньше моего первого появления в селе Андреевском – сад, его любимое детище – стал погибать, потому что некому было ухаживать за яблонями. И вот на них появи-

лись сухие ветви, на коре – лишайники, некоторые яблони погибли. Теперь охраны не было, яблок в саду я не видела. В таком состоянии я и застала сад.

По рассказам помнивших деда, он был очень добрым человеком, и особенно любил своих многочисленных внучат. Когда они к нему приходили или приезжали, он каждому был рад, старался всегда с каждым поговорить, приласкать его и обычно сам угощал их медом с его собственного пчельника (т. е. пасеки).

Раза два мы ходили за грибами в небольшой реденький лесок, совсем недалеко от дома. (Хвойный лес, который чернел своими высокими, прямыми как колонны, соснами, был недоступен из-за его отдаленности). Однажды в походе за грибами мы встретили тоже собиравшую грибы другую мою тетю, Анну Васильевну. Она возвратилась в родное село после того, как был разогнан монастырь во Владимире, где она была монахиней. Потом я видела ее в церкви села – Андреевского, куда меня брала с собой тетя Маша (впоследствии эта церковь была разрушена). Оказавшись без средств к существованию, без крова и без собственной семьи, Анна Васильевна вела скитальческую жизнь: жила то в одной, то в другой родственной семье, нигде подолгу не задерживалась и не приживалась. Во время моей с ней встречи она жила в семье бра-

та моей мамы. Тяжела была ее жизнь. Однако она не забывала о своем главном жизненном предназначении: укреплять православную веру. Приехав потом ненадолго в мой родной дом, она читала мне книжку религиозных стихотворений для детей «Божии росинки». Мала я была, и ничего не запомнила из этой книжки, кроме названия.

Большое село Андреевское, где родилась мама и жили ее родственники, находилось под сильным религиозным и нравственным влиянием располагавшегося совсем близко (в полутора километрах от села) мужского Кузьмина монастыря¹. В годы моего детства монастырь был уже разрушен. Мне показали издали разрозненные остатки ограждавшей его стены; теперь эти фрагменты выделялись своей чистой белизной на зеленой траве луга. Именно этот монастырь когда-то поддерживал православную веру в окрестных селах, в том числе и в Андреевском.

Мне рассказали о родственнице покойного мужа тети Маши, жительнице этого

¹ Козьмин Успенский монастырь во Владимирском уезде находился в 40 верстах от г.Владимира на р. Яхроме. Основан в 1494 г. преподобным Космой, бывшим и первым игуменом в этом монастыре (ранее – инок Киево-Печерской лавры). Здесь основалась обитель. Косма соорудил в ней храм Успения Богородицы. См.: Православные русские обители. С-Пб., 1994, с. 203–204.

села, которая отличалась глубочайшей религиозностью. Она не захотела жить в избе вместе с семьей, ей построили отдельное помещение, что-то вроде домика, под названием *келья*, где она молилась и читала священные книги. Эта героическая женщина отличалась тем, что ходила пешком в Одессу, а оттуда вместе с другими паломниками отправилась к морской поездке ко Гробу Господню. Событие это относится, скорее всего, к середине XIX в. Сохранялся в семье Марии Васильевны привезенный паломницей из-за моря крестик из легкого желтоватого – нездешнего – дерева, с заключенной в кресте, под увеличительным стеклом, панорамой неизвестной для меня местности с каменными могильными плитами и растущими кипарисами. Я тоже смотрела в «глазок» на чудесный пейзаж и удивлялась отчетливости и ясности изображения, как будто бы освещенного солнцем. Где-то теперь этот крестик? Сохранили его или нет потомки Марии Васильевны, которая так его берегла?

Все сестры моей мамы, так же как и она сама, были набожными женщинами. Посещение церкви было для них законом.

Идем с мамой в церковь

*Твердит о счастье необъятном
Далекий звон колоколов.*

К. Бальмонт

Я была еще маленькой дошкольницей, когда мама впервые привела меня в церковь. Содержание церковной службы было для меня непонятно, но хорошо помню, с чего начиналась подготовка к посещению церкви. Около дома я копалась в весенней грязи, образовавшейся при таянии снега и, вся перемазанная грязью, соединяла каналом одну лужу с другой, чтобы потом посмотреть, как по каналу потечет вода. Мама подошла ко мне, одетая для выхода из дома, и приказала, чтобы я вымылась, потом надела пригото-

ленную мне одежду, и мы пойдем в церковь: сегодня Великий четверг, будут читать Двенадцать Евангелий. С тех пор она не раз водила меня «за ручку» в наш собор на главной площади Гаврилова Посада.

В пасхальную ночь, насколько я помню, бывало темно: не видно ни звезд, ни луны, Прежде всего, на заречном лугу появлялись огоньки. Они выполняли функции современных уличных фонарей: освещали дорогу из села Володятина на нашу сторону реки, в церковь. Без них нельзя было обойтись: по дороге могли встретиться и глубокие лужи, и овражки, еще полные талой воды, и кочки. Огни помогали принять верное направление к переходу через реку, не уклониться в сторону в темноте. Эти огни зажигались на *вешках*, то есть столбиках или кольях, к которым прикреплялись сосуды с горючей жидкостью; ее количества хватало как раз для того, чтобы осветить дорогу в церковь, а когда жидкость выгорала, огни гасли. Появлялись огни и на некоторых колокольнях. Колокола на Пасху звонят – играют особым веселым смеющимся звоном. Мы идем в церковь всей семьей. В церкви сразу охватывает радостное настроение Великого праздника. Горят свечи, блестя иконы, хор поет. Громко звучат торжественные пасхальные возгласы священника, от которых появляются слезы на глазах.

Но церковь постепенно наполняется и переполняется молящимися, становится тесно, меня невольно поталкивают, что очень утомляет, а спины стоящих впереди взрослых людей загораживают вид праздничного действия и его главных исполнителей. Я держусь за руку мамы, боюсь от нее оторваться. Наконец, в тесноте у меня кончаются силы, я жалуясь на усталость и меня отправляют посидеть на скамейке – она стоит недалеко от входа, рядом с сундуками, содержащими церковное имущество. На скамейке уже сидит чья-то уставшая старушка. Там я сразу начинаю «клевать носом», потому что дома нас приучили рано ложиться спать (не нужно, дети, ночь в день превращать!).

Когда мы возвращаемся домой, я уже почти сплю, и меня ведут за руки, чтобы не споткнулась и не упала. Через лужи перетаскивают, взяв с двух сторон подмышки и приказав поджать ноги, чтобы не замочить обувь, не зачерпнуть из лужи. Дома мне уже не нужно ни кулича, ни «пасхи», ни крашеных яиц. Только спать.

Троицын день – красивый и радостный праздник цветущего лета. Все идут в церковь в новых летних одеждах, и мне однажды сшили на Троицу нарядное платье из розового батиста, с воланами. Я помню, как старалась его не измять, не загрязнить. Молодежь и дети идут в церковь с цветами, а мама, согласно ее старинной привычке, несет крошечный букетик

из веток плодовых деревьев и ягодных кустарников: яблони, смородины, вишни. Там же, в букетике, обязательно присутствует и веточка березы. В Троицын день даже дорога в церковь казалась веселым праздником, да и погода в этот день бывала ясная и теплая. В церкви вяло свежим запахом березовых листьев.

Посещения церкви привели к тяжелым для меня последствиям. Семена антирелигиозной пропаганды уже дали ростки в душах: приближались грозные тридцатые годы. Кто-то из горожан видел меня в церкви и рассказал об этом другим: школьница в церкви! В конце концов об этом проведал мальчишка из нашего класса и однажды во время перемены, в коридоре, стал кривляясь и ломаясь, изображать, как я молюсь перед иконой, Его фамилию я запомнила на всю жизнь: это был Юрка Игнатьев, бледнолицый долговязый насмешливый озорник, склонный к клоунаде, любитель привлекать к себе внимание окружающих. Оскорбило меня не только юркино кривлянье, но и поощрение его выступления зрителями – учениками нашего класса: они громко хохотали, поддерживая его насмешку. Никто за меня не вступился, не помог мне. Я же стояла, прижавшись к подоконнику и всеми силами стараясь не заплакать.

С тех пор я много лет не бывала в церкви, но не юркина выходка была этому причиной.

Изгнание

Сцена в школьном коридоре с участием Юрки Игнатьева была еще еле заметным предвестием тех грозных событий, которые затем обрушились на нашу семью. Зимой 1929–30 годов мой отец получил уведомление о колоссальном налоге, который полагалось ему уплатить ввиду того, что он получал доход от арендуемой мельницы. Налог был так велик, что если бы мы продали свой дом, постройки при доме и во дворе, скотину, мебель, одежду, белье, книги – словом все, что у нас было, все равно полученных средств не хватило бы на уплату налога. Это была настоящая грабительская акция, но все обращения к местным властям, поездки в Москву к адвокату и другие попытки противостоять ей или хотя бы добиться снижения налога, ни к чему не привели.

И вот в наш дом пожаловала комиссия в составе нескольких молодых людей, которые заявили, что они пришли с целью занять описание имущества, которое затем будет у нас изъято. Такие решающие, переломные моменты в истории семьи обыкновенно запоминаются вплоть до мелочей, и я помню очень ясно, как комиссия со своими бумагами расположилась вокруг стола, а я рядом с побледневшей мамой, еле державшейся на

ногах, стояла в углу комнаты как бы окаменев, не веря в то, что все это происходит наяву и не понимая, какие последствия вызовет в дальнейшем. Например: где мы будем жить, когда у нас не будет дома и т. д.

Постепенно комиссия добралась до наших книг, и я увидела на столе среди них наш старый однотомник Н.А. Некрасова, тот самый, с автором которого у меня было «родство душ». Тут я как будто очнулась и обратилась к маме, чтобы она попросила комиссию оставить для меня эту книгу, потому что я люблю стихи Некрасова. Мама сочла, что лучше будет, если попрошу я сама, и, собрав свое мужество, удивляясь собственной смелости, я пролепетала эту просьбу.

Ответ был спокойным и вежливым: «книга пойдет в общественную библиотеку», и у меня не осталось никаких надежд. Та же судьба постигла и другие книги, например, однотомник произведений Г.Р. Державина, иллюстрированный однотомник В.А. Жуковского, «Записки охотника» И.С. Тургенева.

Тогда я ушла в другую комнату, где в мрачном молчании сидела сестра в обществе своей подруги. Мое внимание привлек большой узел вышивок и кружев – плоды длительной и терпеливой работы моих сестер и теток. Мне сказали, что в узле только лучшие экземпляры. Было ясно, что этим вещам уготована та же участь, что и книгам Сестра

попыталась их спасти и пошла на риск: она сказала, что откроет окно и подаст мне узел, а я должна его спрятать в куче соломы, что – лежит сзади дома. Снег покрывал землю, но было не холодно. Не надевая пальто, я обежала вокруг дома и, дрожа от страха, чувствуя себя преступницей, взяла узел из окна и спрятала. Но неудачи преследовали меня. То ли выдали следы на снегу, то ли заметил прохожий и сообщил комиссии, но один из сидевших за столом вышел, а потом с торжествующим видом внес узел в дом, и его содержание вошло в опись.

Теперь, когда дом нам больше не принадлежал, пришло время подумать о ночлеге. Вот тогда нам и помогла папина старшая сестра Анастасия Васильевна, жившая в своем домике-комодике, и мы пошли к ней. Был уже вечер, я шла с мамой и моим младшим братиком, маминым последним ребенком, тогда ему было 6 или 7 лет. Мама почему-то несла самоварную трубу. Я же – свою сумку с учебниками и тетрадями. Место для моего ночлега нашли на полу в крохотной спальне тети, и я уже не помню, где разместились остальные члены нашей семьи. Несколько месяцев до окончания четвертого класса я прожила в тетином доме.

К нашей беде в городке отнеслись по-разному. Те, кто нам симпатизировал и сочувствовал, из-за осторожности помалкива-

ли. Но злопыхатели, которых всегда бывает немало при известиях о чужой беде, сразу же отнесли нас к разряду тех «псов и палачей», над которыми «грянет небесный гром», как мы пели в школе перед началом уроков. Конфискация имущества из-за невозможности уплатить налог воспринималась ими как проявление борьбы с буржуазией.

Поползли сказочные выдуманные рассказы о якобы найденных у нас сокровищах, а состав и размеры сокровищ зависели исключительно от личности сочинителя и полета его фантазии. Так, однажды меня спросили, правда ли то, что у нас в огороде были зарыты и обнаружены при обыске два пуда сахара? В данном случае сочинитель был плохим хозяином: ведь сахар не держат в земле! Но он был и беден, поскольку считал сахар ценностью, достойной укрывательства.

Дети в классе постепенно отошли от меня, оставили в одиночестве. Удивила меня наша учительница: не желая (или боясь) отступить от велений времени, она объявила на уроке, что получены чистые тетради, она раздаст их ученикам бесплатно, и только я одна должна внести за них деньги. Вот вам и старомодная прическа, и длинные платья! Бросила в меня камешек в присутствии всего класса! А могла бы об этом сказать, подойдя ко мне в коридоре во время перемены. Позволила себе пожертвовать спокойствием де-

вочки-ученицы для демонстрации своей законопослушности! Видно, не очень прочно было ее положение (что потом и подтвердилось).

Мне так и не пришлось в то время побывать на месте нашей спокойной жизни на берегах чистой полноводной реки, текущей по свежему цветущему лугу. Я только мысленно простилась с ними, а также с мельницей, нашим домом, баней, погребом, плотинной, коровой, курами, кустами сирени перед окнами (на сиренях ближайшей весной должны бы появиться настоящие цветы, а мы их уже не увидим), книгами и другими предметами, которые нас окружали. Слишком печальным было бы такое свидание, трудно его вынести.

Главное, что все мы живы, папа не страдал и остался с нами, потому что был не собственник, а арендатор. Такое различие, кажущееся теперь не слишком существенным, было в тридцатые годы почти что равно различию между жизнью и смертью. Но у папы обострилась бронхиальная астма, которой он с той поры страдал до самой кончины.

* * *

Несколько слов о том, как изменились родные места после того, как нам пришлось их покинуть. Я побывала здесь после войны, приблизительно лет через сорок после отъезда и была там всего несколько часов – от поезда

до поезда, так что наблюдения мои самые поверхностные. Изменения произошли очень заметные – как в самом городке, так и в его окрестностях. О разрушении собора я узнала еще в тридцатые годы (см. ниже). Городок сильно разросся за счет притока деревенских жителей, так что на прежнем обширном картофельном поле, которое граничило с нашим огородом, уже стоят рядами дома, образуя новые улицы, и выросли при домах сады с плодовыми деревьями. На ближайшем к городку низком лугу, опоясанном полукруглой излучиной реки, ранее всегда зеленом и свежем, трава вытоптана и стоят столбы для волейбольной сетки. Заречный володятинский луг, где в годы моего детства было так много разных цветов, превращен в капустный огород, который доходит до самого берега реки – до того места, где когда-то сидел с удочками рыболов в красной рубашке. Высокая и стройная володятинская колокольня, завершающая луг, изменила свой прежний белый цвет: дождем и ветрами частично разрушило штукатурку с побелкой, обнажились куски кирпичной кладки, и общий фон здания стал грязно-розовым. И не сияет больше так ярко, как прежде колокольня на зеленом лугу. Погублены некоторые деревья на берегу реки, в том числе ива, склоненная когда-то над рекой; вода под ивой была черной от ее тени, и мы боялись там купаться.

А что же с нашей рекой, мельницей, домом и другими постройками, качелями, белой сиренью и цветочными клумбами? Река безнадежно обмелела, потому что бесследно разрушены мельница и мельничная плотина, державшая воду вровень с берегами. Илистое русло реки пересохло, покрылось трещинами и стало напоминать среднеазиатские такыры; только в самом низу русла струился неглубокий мутный поток. Это был уже труп реки. А гибель реки столь же больно ранит душу, как гибель дорогого существа. Наш дом уцелел, но он отделен от арендаторской избышки, так что получилось два жилища, в которых живут разные семьи. Нет ни погребка, ни бани, ни амбара. От белых сиреней и цветочных клумб нет и следа. Как будто бы *Мамай прошел*: разруха, обезображенность, опустошенность, оголенность. Зачем были принесены жертвы, затрачены труды, израсходованы средства? Зачем и для чего было нужно наше оскорбительное изгнание из этих мест, кто получил пользу от разгрома?

Наша жизнь в городе

Теперь декорации снова меняются, и вот мы в областном центре городе Иванове, столице текстильного края.

Одна из моих сестер, окончив в Гавриловом Посаде «вторую ступень», продолжила образование в техникуме, в г. Кинешме, а потом получила должность в Иванове, и в качестве жилища ей достались две комнаты в коммунальной квартире, в старом, дореволюционной постройки, доме. Было очевидно, что дом до революции занимала одна семья со штатом прислуги, жившей в полуподвальных комнатах. Наши две комнаты были в бельэтаже и выходили окнами во двор, летом мы жили с открытыми окнами. Две комнаты в «коммуналке» и стали на долгие годы нашим пристанищем.

Иваново. 1947 г. Капитолина Ивановна
с родителями, сестрой Марией
и племянником Леонидом

Поневоле пришлось смириться с неудобствами и теснотой: кто-то спал за шкафом, кто-то на полу. Кухня с русской печкой, оставшаяся от прежних хозяев дома, находилась в полуподвале, а печка, хоть и облицованная изразцами с рисунками, была не в лучшем рабочем состоянии. И все же мама изредка ее топила – например, когда требовалось согреть побольше воды. Для того, чтобы пройти в кухню, нужно было преодолеть узкую крутую лестницу вниз и длинный темный коридор в полуподвале, поэтому для приготовления пицци легче было воспользоваться примусом или керосинкой у себя в коридоре, что мы и делали, как и наши «коммунальные» соседи.

С продовольствием были большие затруднения. Одни продукты *давали* по карточкам, другие – по *талонам*. Теперь уже трудно вспомнить, какие продукты питания как *давали*. Сливочное масло, например, считалось предметом роскоши и в продаже не появлялось совсем. Вместо него в магазинах были такие продукты питания как маргарин и загадочный маргуселин – вещество неизвестного состава (не уверена, что правильно пишу это название). В городе появился Торгсин, соблазнявший своим продовольственным ассортиментом, но продукты продавались там за драгоценные металлы. Повторялось произведения городского фольклора:

Как в Торгсине, на витрине

Масло, сыр и колбаса,

А в рабочем магазине –

Солнце, воздух и вода.

Нас спасал вполне исправный погреб во дворе, оставшийся от прежних хозяев дома: там можно было заготовить на всю зиму картошку, заквасить в кадушке капусту, засолить огурцы. Мама делала это умело, все приемы знала с детства. Мы помогали ей приготовить кадушки для предстоящих заготовок, запарить их можжевельником с кипятком.

На улицах стояли громадные очереди перед входами в магазины. Я помню очередь

за керосином, который был необходим для керосинок. *Стоять* за керосином поручалось мне. Нужно было запоминать, кто *стоит* передо мной и кто за мной, не уходить надолго из очереди, не отвлекаться – эти правила я не сразу усвоила. Однажды я задержалась у керосиновой лавки и мама, обеспокоенная моим долгим отсутствием, пришла меня проведать. Она увидела меня спокойно сидящей на старом ящике с пустым керосиновым бидоном, с книгой в руках, и поняла, что я пропустила очередь! Позор! Я была пристыжена и сама чувствовала вину. Очередь заняли снова, и, к счастью., она стала покороче. Наконец, я пришла домой с керосином.

Мои родители, подавленные и оскорбленные еще недавними событиями, то есть гибелью результатов их усилий, крушением надежд, с трудом и как будто нехотя осваивали новую обстановку, входили в непривычную жизнь. Я видела, как папа, начав дома какую-нибудь работу, вдруг опускал руки и долго сидел в тяжелом раздумье. Но для жизни семьи требовалась его помощь, его вмешательство и хотя масштабы необходимых работ были мизерней его прежнего размаха, некому было, кроме него, ими заняться.

Он пытался, насколько позволяли обстоятельства, устроить место нашего обитания более пригодным для жизни семьи. Был найден опытный печник, который приспособо-

бил нашу комнатную печку-голландку, служившую только для отопления, к приготовлению пищи. Печку разобрали до верха, над топкой был встроены духовой шкаф, в нем можно было пищу потушить, разогреть. Потребность в керосине уменьшилась, он теперь требовался только летом. Во дворе был построен сарай, где у папы был верстак, тиски, инструменты; в теплые дни он дома не сидел. Вообще жизнь была частично перенесена во двор, он был пока еще очень чистым. Там еще росла старая береза, потом погибшая. В жаркую летнюю пору детям иногда устраивали постели во дворе, под открытым небом.

Иногда к нам заходили знакомые из Гаврилова Посада, приезжавшие в областной город, чтобы продать овощи (не раз свои мешки с картошкой они оставляли в подъезде нашего дома). От них мы узнали поразительные новости о жизни в городке. Собор на площади, в который когда-то мама приводила меня «за ручку», разрушен; только ограда осталась Ремесленников, изделия которых меня так привлекали в ранние годы, отправили в ссылку. Оставшиеся в живых после ссылки в городок не возвратились. Двух из них мои сестры видели на улицах нашего областного города; где же другие и сколько их осталось в живых – мы так и не узнали.

Сейчас, в 2004 году, когда я пишу эти воспоминания, мне стало известно, что в

Гавриловом Посаде восстанавливается разрушенный некогда до основания Ильинский монастырь. Но в детские годы я не видела остатков этого монастыря, никто мне о них не говорил, и я не знаю, в каком месте он находился.

Что касается главных ивановских церквей – летней Покровской и зимней Троицкой, то они были разрушены (взорваны) еще до нашего приезда в город, так что я их никогда не видела. Мне показывали только место, где они находились, место было выбрано со знанием дела: церкви стояли на возвышенности, над долиной, по которой протекает река; можно себе представить, как величественно они здесь выглядели. Позднее на месте разрушенных храмов соорудили приземистое тяжеловесное здание областного театра, которое не раз перестраивали.

В городе наступление на религию шло с двух сторон: ее и разоблачали, и высмеивали. Посещение церкви считалось признаком невежества, отсталости, пережитком проклятого прошлого и чуть ли не политическим преступлением; оно было опасным делом и его приходилось скрывать от соседей. Самая старшая из моих сестер иногда посещала отдаленную, почти окраинную церковь — только эта церковь оставалась неразрушенной, не занятой каким-либо учреждением, но, на всякий случай, выходила из дома тихо и не-

заметно. Однажды, я помню, мы прятали окрашенные пасхальные яйца в спальне под подушками.

Дома дела потихоньку налаживались (не скоро, не скоро и в тех пределах, которые были допустимы). Папа получил предложение работы в одном из подмосковных совхозов. Работа его интересовала, он включился в нее в обычным своим рвением и даже получил патент на одно изобретение.

Школьные годы в Иванове

В пятый класс ивановской средней школы я поступила одиннадцати лет, а в ноябре мне исполнилось двенадцать. Детство окончилось, появились новые приоритеты,

пристрастия, увлечения. Но мне бы хотелось в заключение рассказать немного о новой моей жизни, ивановских школьных годах, когда после уроков не хотелось уходить из школы домой (дома меня иногда подозревали в том, что я стараюсь увильнуть от домашних хозяйственных дел, слишком долго находясь в школе).

Школа была совсем рядом с домом, она была недавно построена по нестандартному проекту, отличаясь в отношении архитектуры от других известных мне школьных зданий.

Все классы и коридоры были светлые, на втором этаже был громадный зал со сценой, где проходили праздничные вечера и выступали приглашенные артисты. Из зала был выход на балкон. Над верхними помещениями возвышалась, на балкончике с перилами, астрономическая вышка (больше я нигде не видела школ с такими вышками), но вход на вышку всегда был заперт и, по существу, она была украшением здания школы. После начальной гаврилово-посадской, новая школа в Иванове показалась мне Дворцом.

Но не столько внешнее своеобразие, красота, обилие света, просторные помещения были притягательны в школе, сколько наши преподаватели, их уроки, кружки самодельности, пионерские сборы, летние лагеря. Мои прежние несчастья не забылись,

но как бы отступили перед новыми впечатлениями, несколько сгладились.

Петр. А. Живоглядов, 2021

Удивительно то, что годы в средней школе запомнились не так отчетливо, как раннее детство. В каком классе произошло то или иное событие, проявила себя та или иная личность? В шестом, седьмом, восьмом? Лишь девятый класс выделяется из ряда других, потому что после девятого я ездила в лагерь возле Плеса, на Волге, и там предприняла попытку переплыть реку (к счастью моему, этот безумный, гибельный замысел был пресечен). Тогда меня только припугнули изгнанием из лагеря. Все остальные школьные годы как бы спрессовались в один большой период, не разделяемый по годам обучения.

Помню, что в шестом или седьмом классе в школе был введен бригадный метод обучения (не иначе как по приказу сверху). Всех учащихся разделили на бригады по 5-6 человек, и парты составили таким образом, чтобы каждая бригада была вместе. Нам давали задание, а потом экзаменовали. При этом спрашивали только одного члена бригады, а оценки ставили и всем остальным в зависимости от его ответа. Нелепость этого метода состояла в том, что хорошую оценку мог получить плохой ученик, а плохую хороший. Вскоре от эксперимента пришлось отказаться.

Однажды и здесь напомнило о себе мое «буржуазное прошлое». На школу прислали

талоны на модные тогда узконосые галоши «джимми». На всех учеников талонов не хватало, а мне достался. Галоши выдавали под лестницей, ведущей в нижние помещения, в каморке, занятой обычно орудиями уборки школы и двора. Галоши выдавала женщины, с виду похожая на школьную уборщицу. Прочитав мою фамилию на талоне, она спросила, как зовут моего отца, и услышав ответ, заявила, что мне галоши не даст. – Я не стала спорить, чтоб не привлекать к себе внимание, на что она и рассчитывала. Дома я рассказала маме об этом эпизоде, и она поплакала: ведь меня так грубо обидели (не о галошах, конечно, плакала).

История с галошами скоро забылась, точнее – ее заслонили и отодвинули совсем другие переживания. Прежде всего, в нашем классе была необыкновенная учительница литературы, и она проводила потрясающие уроки. После ее уроков я стремилась достать, где только возможно, книги, которые я не прочитала в начальной школе: романы И.С. Тургенева, произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Какой мир открылся! Персонажи романов Тургенева – бесстрашные благородные люди самых передовых взглядов или настоящие герои, его умные и обаятельные женщины; ясный мир Л.Н. Толстого, его как бы не выдуманные, а бывшие в действительности люди и обстоя-

тельства; впервые прочитанные романы Ф.М. Достоевского: если начнешь читать роман, то уж не отложишь его, пока не дойдешь до последней страницы (поэтому Достоевского лучше всего читать во время каникул, когда не отвлекают школьные дела). Когда я читала рассказы А.П. Чехова, автор мне казался моим другом или братом. Наша учительница страстно любила русскую литературу, и не было никаких оснований сомневаться в искренности ее чувств. Однажды, читая нам в классе сцену свидания Анны Карениной с ее маленьким сыном, она залилась горючими слезами, и все дети затаили дыхание, сочувствуя не столько героине романа, сколько нашей незабвенной Валентине Яковлевне.

Для меня все учебные дисциплины отступили перед литературой: разве можно с ней сравнить бездушные физику, химию, математику (а некоторые ученики ими увлекались, к моему удивлению).

Одна из моих сестер очень любила театр, при поездках в Москву старалась достать билет в МХАТ, в Малый театр (в театральных кассах билеты купить было почти невозможно), а потом дома нам рассказывала, как играли ее любимцы: Тарасова, Добролюбов, Хмелев, Пашенная, Царев. В годы учения она и сама играла на сцене, а дома веселила нас удачными подражаниями знаковым людям. Я тоже выразила желание иг-

рять на сцене и мне, для начала, дали крохотную роль в спектакле по пьесе современного автора. Но когда вышла на сцену и увидела сотни устремленных на меня глаз в громадном школьном зале, я утрашилась и приняла решение закончить на этом сценическую карьеру.

Зато очень легко и не страшно выступать с декламацией на лагерных кострах: зрителей немного, они свободно располагаются на траве, смеются, аплодируют. Я читала на кострах стихи поэтов-современников, публиковавшиеся тогда в журналах и газетах. В одном из них речь шла о том, что молодое поколение стремится пополнить ряды инженеров, старается поступить в технические ВУЗы, а врачей и педагогов в стране не хватает. Идея выражалась в виде гротеска:

У инженера задергало зуб; дернуло раз, другой.

Ну где тут работать? От боли туп, ну прямо – ни в зуб ногой.

И громко крича, он просит врача, он ищет врача, кулаками стуча.

Ему отвечают: врача? Теперь не нужны доктора нам.

Тащите подъемным краном!

В духе своего времени, автор стихотворения заботился о будущем страны и народа.

В школе и в пионерском отряде были сильны антирелигиозные настроения. В ходу

были грубые глумливые стихи и лозунги, высмеивающие «служителей культа» и религию вообще, как, например: «Долой, долой монахов, долой, долой попов. Мы на небо залезем, разгоним всех богов!» или: «Религия – яд. Берегите ребят». Направление такого рода подерживалось открыто и активно. Посещение церкви школьником грозило скандалом на всю школу: могли за него «проработать» в отряде или «протащить» в стенгазете.

Культ физкультуры и спорта

– *У кого губа не дура –*

Занимайся физкультурой.

Из самодеятельности

Молодежью и детьми была горячо встречена пропаганда физкультуры и спорта. Физкультура была модной. Кроме занятий на уроках физкультуры в нашем прекрасном физкультурном зале, школьники занимались в индивидуальном порядке: ходили на каток, катались на лыжах, плавали, загорали. Девочки не отставали от мальчиков, и тотчас в школе становилось известным, если кто-то из них отличился в том или ином виде спорта. Удачливые спортсмены на какое-то время делались более популярными, чем отличники учебы. Например, на сцене изображались

лыжники и конькобежцы при помощи имитирования их движений, при этом читались стихи или (и) пели. Помню некоторые отрывки из стихов. Например:

Все говорят, что вредно вино, давно.
Сидеть в закопченных халупах – глупо!
В церкви вдыхать удушливый ладан – не надо!
Рецепт для здоровья дадим:
На зимний воздух – все как один!

Не страшны ничьи погони.
Лезвия у нас тонки,
Мчат вперед стальные кони,
Быстролетные коньки.
Грудью воздух рассекая,
Нам дышать легко, легко.
Конькобежцев бойких стая
Вдаль умчалась далеко.

Полным ходом лыжным взводом
По полям по огородам!
Что нам вьюги, что нам ветры!
Обгоняем километры.

Зимнего воздуха нет полезней.
Он избавит от всех болезней!

Что нам морозы, метели и вьюги?
Физкультурнику и зимой не хуже, чем на юге!
Физкультурой займешься – сил наберешься,
Больше сработаеть – меньше устанешь.
Новым человеком станешь!

И в стихах о физкультуре улавливаются нотки антирелигиозной пропаганды. Спорт вообще противостоял религии, хотя главной его задачей ставилась забота о здоровье подрастающего поколения.

Во время летних каникул школьники любили загорать и купаться. В конце лета девочки сравнивали загар своих рук, плеч, лиц с загаром подруг. Одни загорели до темно-коричневого цвета, у других загар был слабее, и вторые завидовали первым. Я не могла понять и разделить увлечение загаром: в деревне, как я помнила, все было по-другому: там летом женщины голову закрывали платком до самых глаз, а платья были с рукавами. И я в школьные годы не стремилась загорать, и в этом отношении все еще оставаясь деревенской девочкой, отличаясь от городских сверстниц.

В годы первой пятилетки

*И догнать, и перегнать
пятилетке мы поможем*

Из самодеятельности

Обучение в средней школе г. Иванова (1930/31 – 1935/36 годы) частично совпало по времени с годами первой пятилетки (1928/29 – 1932/33), запланированной на по-

строение фундамента социалистической экономики в СССР. Была поставлена задача сделать страну экономически независимой от капиталистических стран. Для этого требовалось реорганизовать промышленность, транспорт, обеспечить обороноспособность страны, сделать сельское хозяйство коллективным и механизированным. Пятилетка была в центре внимания общества: о ней писали в журналах и газетах, говорили на собраниях, в том числе и школьных. Школа не должна была оставаться в стороне от решения поставленных задач. Но что школьники могут для этого сделать и как сделать?

Мы стали шефами одной из текстильных фабрик, это была прядильная фабрика. Она была в те годы еще новая, с большими светлыми окнами – под стать нашей школе. Машины и станки заграничные. В намеченные дни мы ходили туда как на работу, и, не имея опыта и не пройдя предварительного обучения, становились к машинам. Легко работать на банкаброшах (ровничных машинах), которые превращают хлопковую ленту в *ровницу* – полуфабрикат прядения, слабо скрученную нить, которая затем идет на изготовление пряжи. За банкаброшем достаточно следить, дежурить около него. Но гораздо труднее работать на прядильных машинах – скручивать, соединять два конца оборвавшейся нити. Работницы фабрики вы-

полняла эту работу мгновенно, артистично, одним движением руки, нам же сделать это было нелегко.

Некоторый интерес у наших подшефных тружениц вызывала художественная самодетельность – выступления с которой были приурочены к обеденному перерыву. Состав зрителей был текучим: одни уходили отдохнуть или пообедать, а потом возвращались посмотреть на нас, иные вовсе не приходили, были и такие, которые «держались» все время выступления.

Выступления были смесью гимнастики (или акробатики) с декламацией, иногда с пением, и назывались *живой газетой*. Текст, сочиненный нашей пионервожатой, не всегда был верхом совершенства. Помню такой отрывок, долженствующий, по-видимому, мобилизовать работниц на ударный труд: «Верти, крути, наматывай, подкидывай, подбрасывай, сил не жалеючи, бей! Сегодня, завтра и вчера – всегда борьба, борьба, борьба!» и другие подобные произведения. Одновременно мы изображали работающую машину, или строили «пирамиду», или просто выполняли группой согласованные движения. Выступление заканчивалось громко выкрикнутым лозунгом: «Даешь пять в четыре!»

Боролись мы и с врагами ударного труда: прогульщиками, рвачами, летунами (летунами назывались рабочие, которые, стре-

.....
мясь получить более высокую оплату за труд, часто меняли место работы). Мы пели: «Бодрее песню затяни, не замедляя хода. Катись, рвачи и летуны, подальше от завода!» «Прогульщики и летуны работать нам мешают, когда ударники, борясь пять в четыре выполняют»¹.

В действительности, реальной помощи подшефной фабрике мы не оказывали. Но достаточно было и того, что школа помогала создать атмосферу значительности труда работниц, показать внимание к нему и, может быть, благодарность за труд.

Другим видом нашей помощи государству было «хождение в народ». Так я называла походы в село для раздачи там брошюр о правильном ведении сельского хозяйства. Я была в таком походе только один раз, в составе группы из двух девочек и одного мальчика. В отряде нам вручили пачку брошюр, и мы отправились по заснеженной дороге в

¹ Запомнилось стихотворение, позорящее летунов:

«Кто такие летуны, почему они вредны?
Почему я летуну и руки не протяну?
Очень любят летуны заграничные штаны.
Чтобы сшить штаны по моде, надо быть с большой деньгой.
Мало платят на заводе, полетели на другой.
Вьются по ветру штаны, мчат бродяги-летуны».

Стихи относились к рисунку: летят по ветру мужчины в широких развевающихся брюках, и хищным взглядом высматривают местечко, где можно побольше заработать.

недалекую от города деревню (теперь ее территория вошла в черту города). Мы постучались то в один дом, то в другой, и никто нас не впускал: то ли хозяева были на работе, то ли, увидев в окно незнакомых подростков, боялись открыть нам дверь. Лишь одну брошюру удалось там оставить. Мы увидели открытую дверь сарайчика, в котором слышался шум работы. Вышел к нам хозяин и, улыбаясь, взял у нас брошюру. Я не вполне уверена, что он взял ее для чтения и изучения.

* * *

В заключение рассказа о школе в годы пятилетки, я кратко сообщу свое наблюдение над языком того времени, точнее – сообщу о самых заметных элементах его словаря. Наиболее часто употреблялись слова *борьба* и *бороться*. Мы боролись за отличную успеваемость, за помощь отстающим, за примерную дисциплину, за чистоту в школе и вообще за всякий полезный труд, требующий некоторых усилий. Наоборот, боролись *против* двоек, нарушений дисциплины, опозданий и других негативных поступков. Слово *борьба* нередко определялось прилагательным *упорная*: упорная борьба за выполнение обязательств, за победу в соревновании, за исправление допущенных ошибок и т. п. *Упорным* был и труд. Существовало понятие *нагрузка*, особенно общественная – сумма поручений, выполняемых учеником, а *наказом*

называлось поручение, исходящее от выше-
стоящих организаций, например, от комсо-
мольской. По отношению к учебе или общест-
венной работе одни ученики были *активны-*
ми, другие *пассивными*. Слово *энтузиазм*
сначала было редким, непривычным.

Вся эта устоявшаяся стандартная лек-
сика, незаметно навязываемая нам, лишала
говорящего возможности собственного выбо-
ра слов и выражений, делала язык стертым,
бесцветным, лишенным оттенков. Лишь на
уроках литературы мы слышали настоящую
русскую речь.

* * *

На этом я заканчиваю описание кар-
тин, которые я наблюдала и в которых участ-
вовала сама в детские годы и в начале юно-
сти. Их, может быть, было бы удачнее срав-
нить с кадрами кинофильма. У меня были
кадры мирные и спокойные на фоне люби-
мой прекрасной природы родных мест, их
сменили драматические и даже трагические,
потом снова относительно затишье, а за ним –
целый мир новых интересов и увлечений.

Сравнение воспоминаний с кинофиль-
мом я заимствую у мамы. Однажды, во вре-
мя ее болезни, мы ее спросили, о чем она ду-
мает, молча лежа в постели. Она ответила,
что вспоминает свою молодость, а воспоми-
нания похожи на кинофильм, вот она его и
просматривает. Появляются кадр за кадром,

самые яркие, самые запомнившиеся. Такого же типа и мои воспоминания.

Что касается мамы, то сама она описала только несколько картин-кадров, которые могли бы заинтересовать и позабавить малышей, как их забавляет сказка. Например, был рассказ о зайцах, которые устраивают набеги на огороды осенью, после уборки капусты. Зайцы, оказывается, любят лакомиться торчащими из земли кончиками капустных кочерыжек, оставшимися от срезанных кочанов. Был также рассказ о шаровой молнии, которая прокатилась по краю оврага в дни полевых работ. Был рассказ о громадном дедушкином яблоневои саде; о яблоках, высыпавшихся при спуске телеги в овраг. Драм и трагедий у мамы не было ни в детстве, ни в юности.

Интересные картины из своих кинофильмов могли бы вспомнить мой отец и старший брат, но у них не было привычки предаваться воспоминаниям вслух, и для нас подробности их жизни в детстве и юности остались неизвестными.

**Из опубликованных
научных трудов
К.И. Ходовой**

Система падежей старославянского языка. М., 1963.

Падежи с предлогами в старославянском языке. М., 1971.

Простое предложение в старославянском языке. М., 1980.

К проблемам славянской синонимии (синонимичность как стадия развития системы). – Советское славяноведение. М., 1971.

К вопросу о различении грамматического рода в старославянском языке. – Slovo N 25–26, Zagreb, 1978.

К вопросу о синтаксических греко-славянизмах в древнерусском литературном языке (дательные-инфинитивные конструкции в придаточных предложениях следствия). – Palaeobulgarica – Старобългаристика XI № 4. София, 1987.

In memoriam

Август 1980 г. 2-й летний коллеквиум
по староболгаристике в Софии

Капитолина Ивановна Ходова – одна из известных и немногих отечественных специалистов второй половины минувшего столетия в области палеославистики – скончалась 13 января 2005 г. в Москве на 87 году жизни

В центре внимания ее исследований был синтаксис старославянского языка. Этой проблематике посвящены десятки ее статей и три монографии – «Система падежей старославянского языка» (1963), «Падежи с предлогами в старославянском языке. Опыт семантиче-

ской системы» (1971) и «Простое предложение в старославянском языке» (1980), что является наиболее ценной частью научного наследия К.И. Ходовой, содержащей последовательное описание функционирования падежной системы и структуры простого предложения в старославянском языке.

Для работ К.И. Ходовой характерно сочетание глубокого интереса к теоретической основе исследуемой проблемы с внимательным отношением к конкретному материалу и тщательным его описанием. Благодаря этому формулируемые ею выводы представляют значительный интерес как в общетеоретическом, так и в конкретном – применительно к старославянскому языку – отношении. К.И. Ходова внесла новые существенные нюансы в понимание таких проблем, как синтаксическая производность, дистрибуция синтаксических структур, падежная синонимия, нейтрализация семантических противопоставлений в падежно-предложных конструкциях и др. Будучи несомненно одним из наиболее крупных знатоков старославянского падежного синтаксиса, К.И. Ходова сумела дать отвечающее современным требованиям науки описание синтаксической структуры имени старославянского языка.

В синтаксический цикл работ К.И. Ходовой входит и ее сравнительно-историческое исследование творительного падежа в славянских языках, опубликованное в известной коллективной монографии «Творительный падеж в славянских языках» (1958).

Перу К.И. Ходовой принадлежит и ряд работ, посвященных лексике. Здесь следует отметить прежде всего ее небольшую, написанную на лексическом материале, монографию научно-популярного характера «Языковое родство

славянских народов» (1960). Она серьезно занималась и древнеславянской лексикой, о чем свидетельствует, в частности, ее исследование лексики древнерусского списка «Жития Нифонта» (1219). В ее планах была работа над монографией «Роль старославянского языка в формировании славянских литературных языков».

Труды К.И. Ходовой получили широкий международный резонанс и заслуженное признание в научных кругах. Ее статьи печатались в авторитетных советских и зарубежных журналах и серийных изданиях – «Вопросы языкознания», «Советское славяноведение», «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», «*Studia palaeoslovenica*» (Прага), «*Scando-Slavica*» (Копенгаген), «*Palaeobulgica*» (София), «*Slovo*» (Загреб) и др.

К.И. Ходова участвовала в работе международных съездов славистов в Москве (1958) и Варшаве (1973), многих общесоюзных и международных славистических конференциях и симпозиумах в Москве, Ереване, Софии, Праге, Брно, Шумене и др.

Судьба Капитолины Ивановны удивительна и в то же время характерна для ученых ее поколения. Ее родители – крестьяне. Она родилась в 1918 г. в д. Шиповая Слободка Ивановской области. Окончив среднюю школу в Иванове, она продолжила свое образование в Ленинградском пед. институте им А.И. Герцена. В 1940 г., по окончании Института, была направлена на работу в Сибирь. Там в Абаканском учительском институте началась ее трудовая деятельность в качестве преподавателя русского языка. В 1942–1943 гг. К.И. Ходова работала в Ивановском пед. институте. В 1943 г. она поступила в аспирантуру филологического факультета Московского госу-

дарственного университета, после окончания которой снова вернулась в Иваново, где в 1947–1951 гг. работала преподавателем и старшим преподавателем в местном пед. институте. В 1951 г. К.И. Ходова была принята на работу в Институт славяноведения АН СССР, с которым связана вся ее последующая жизнь ученого-слависта. В 1952 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Наблюдения в области словарного состава древнеславянского памятника (“Житие Нифонта” в русском списке 1219 г.)» (МГУ), а в 1972 г. – докторскую диссертацию «Значения и функции форм склонения в старославянском языке» (Институт русского языка АН СССР).

Научную работу в Институте славяноведения АН СССР (с 1951 г. по 1986 г.) К.И. Ходова сочетала с преподавательской деятельностью. На филологическом факультете МГУ она читала спецкурсы по старославянскому языку, руководила дипломными работами студентов. Была членом диссертационных советов, выступала оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям.

И в последние годы жизни, уже будучи больной и на пенсии, К.И. Ходова все еще была полна научных планов, желания еще что-то написать. Она завершила работу над монографией «Инфинитивные предложения в старославянском языке», писала обширные воспоминания, первую часть которых успела подготовить к публикации.

В памяти всех, кто знал Капитолину Ивановну Ходову, остался образ доброго человека и глубокого исследователя.

Р.В. Булатова, Г.К. Венедиктов
Славяноведение.
2005. № 5. С. 125–126.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

О ненаписанном предисловии
к этой книге. *Т.Судник*

– 3 –

От автора	5
Мои родители	6
В Шиповой Слободке и Гавриловом Посаде	23
Река и заречный луг	33
Рыболов у реки	41
Зимой в дороге	43
Сеятель на пашне. Отношение к хлебу	43
Размышления о мироздании, жизни и смерти	45
По пути в школу	48
В начальной школе	50
Усталость от хождений в школу	65
Маленькие трагедии	66
Поющие голоса	71
Путешествия по любимым краям и восторги души	83

Городок Гаврилов Посад	91
Сельские впечатления.	
Воспоминания об утраченном	103
Идем с мамой в церковь	112
Изгнание	116
Наша жизнь в городе	123
Школьные годы в Иванове	129
Культ физкультуры и спорта	136
В годы первой пятилетки	138

Из опубликованных научных трудов

К.И. Ходовой

– 145 –

In memoriam

Р.В. Булатова, Г.К. Венедиктов

– 146 –

Ходова К.И.

Картины из детских лет

Дедушки,
бабушки,
дядюшки и
тетушки...

М., 2013. 152 с.

Макет, обложка
М.И. Леньшиной

Подписано в печать 03.10.2013 г.
Формат 70×90/32.
Печать цифровая. Бум. офсетная № 1.
Гарнитура Bookman Old Style. Объем 4 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ № 0000.

Институт славяноведения
Российской академии наук
119334 г. Москва,
Ленинский проспект, 32 А, корп. В.

Отпечатано в типографии издательства
«ТЕЗАУРУС». Тел./факс: 8 (499) 252 14 31.
E-mail: tez_sale@mail.ru